КРАСНАЯ НИВА

«В порту». Н. Холин

Издание «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» 1928 г.

46

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ

ПОДПИШИТЕСЬ НА ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СОКРОВИЩА СССР, СОСТОЯЩИЕ ИЗ 100 БОЛЬШИХ МНОГОКРАСОЧНЫХ КАРТИН И ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ СОБОЙ ТОЧНЫЕ КОПИИ С ЛУЧШИХ МИРОВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ХРАНЯЩИХСЯ В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЛЕРЕЕ И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МУЗЕЯХ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СОКРОВИЩА ВЫХОДЯТ ВЫПУСКАМИ ПО 4 КАРТИНЫ. К КАЖДОЙ КАРТИНЕ ДАЕТСЯ ОБ'ЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ, БИОГРАФИЯ И ГРАВЮРА АВТОРА. ВСЕ КАРТИНЫ ПЕЧАТАЮТСЯ НА ПРЕКРАСНОЙ БУМАГЕ, НАКЛЕЕННОЙ НА ПАСПАРТУ, РАЗМЕРОМ 39×47 СМ.

ЦЕНА ЗА ВСЕ 100 КАРТИН В ИЗЯЩНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ—75 РУБ. УСЛОВИЯ РАССРОЧКИ: ПРИ ПОДПИСКЕ—5 РУБ., А ОСТАЛЬНАЯ СУММА ВЗНОСАМИ ПО 3 РУБЛЯ 50 КОП. ПО ПОЛУЧЕНИИ КАЖДОГО ВЫПУСКА (ПЕРВЫЙ ВЫПУСК ВЫСЫЛАЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО); ПЕРЕСЫЛКА 35 КОП. ЗА КАЖДЫЙ ВЫПУСК. ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ: МОСКВА, 6, ЦВЕТНОЙ БУЛЬВ., 25, ХУДОЖЕСТВЕННОМУ АКЦИОНЕРН. ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ОБЩЕСТВУ „АХР".

СОКРОВИЩА СССР

K. V. Noorden и H. Dornblüth

ДИЭТИЧЕСКАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА

Перевод с нем. под ред. проф. В. М. Когая-Ясного.

Единственный научный и практический труд по диэтическому питанию здоровых и больных.

Настольная книга для врачей, ЗАВЕДУЮЩИХ лечебниц, санаторий, поваров и отдельных ХОЗЯЕК.

Ч. I. Научные основы питания. Ч. II. Рецептура приготовления диэтических блюд (573 поваренных рецепта). Ч. III. Диэта при различных болезнях; вскармливание грудных детей и питание матерей.

Цена в перепл. 5 р. 50 к. с перес. 5 р. 90 к. Высыл. наложенн. платежом. При высылке денег вперед — пересылка бесплатно. Ленинград, внутри Гост. Двора, 55/9, изд-ву «УНИЗДАТ», А. Гольдина.

С 1 ноября ГАЗЕТА „Известия ЦИК СССР и ВЦИК" ВЫХОДИТ НЕПРЕРЫВНО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1 мес. — 1 руб.

ОСОАВИАХИМ БОРЬБЫ С ВРЕДИТЕЛЯМИ

Ленинград. Областной Отдел выпустил в продажу проверенные средства, изготовленные в своих лабораториях под наблюдением научных специалистов.

От КРЫС, МЫШЕЙ, КЛОПОВ, БЛОХ, ТАРАКАНОВ, МОЛИ. Требуйте наш радикальный состав от ЖУЧКА-ТОЧИЛЬЩИКА — АНОБИН

С заказами обращаться в Осоавиахим, Ленинград, Мойка, 61, тел. 213-34, 027-80.

МУЗЫКА

ДЕШЕВЛЕ и ЛУЧШЕ ВСЕХ

БАЯНЫ [illegible] 275 руб., [illegible] 400 руб. и дор.

ГАРМОНИИ 2х-рядн. в 45, 50, 55, 65, 75, 85, 105, 115, 125, 135 и 150 р.

ГИТАРЫ в 15, 20, 25, 30, 40 и 50 руб.

МАНДОЛИНЫ в 15, 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р.

БАЛАЛАЙКИ в 5, 6, 8, 10, 12, 15, 20 и 30 р.

ПОЛНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ [illegible] ОРКЕСТРОВ. Прейскурант за две 10-коп. марки высыл.

1-ое МОСКОВСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ Т-ВО

[illegible] МОСКВА, Тверская, 28/Н.

ВРАЧИ и ЛЕЧЕБНИЦЫ

ПОЛИКЛИНИКА Медицинской Секции ЦЕКУБУ

Арбат, Гагаринский 37, уг. Плотникова (б. Никольский), ТЕЛЕФОН 3-65-40

ПРИЕМ ПО ВСЕМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ ассистентами клиник 1 и 2 Московских Государственных Университетов ЕЖЕДНЕВНО от 10 до 8 час. вечера.

КОНСУЛЬТАЦИЯ ПРОФЕССОРОВ по ПРЕДВАРИТЕЛЬН. ЗАПИСИ по БОЛЕЗНЯМ: внутренн., нервным, женским и акушер., хирургии, ортопедии, урологии (мочеполовые и гонорреи), кожн. и сифилис, — глазным, уха, горла, носа, зубн. хирургии и зубопротезн. — ДЕФЕКТИВНОСТЬ, ЗАИКАНИЕ и КАРТАВОСТЬ.

ТУБЕРКУЛЕЗ: костный, хирургическ., развл. искривл. и др.

ЗУБОВРАЧЕБНОЕ и ЗУБОПРОТЕЗНОЕ ОТДЕЛЕНИЯ.

ЭЛЕКТРО - СВЕТО - ВОДОЛЕЧЕНИЕ.

РЕНТГЕНОВСКИЙ ИНСТИТУТ: просв., снимки, лечение $8^1/_2$—$7^1/_2$ ч.

ЛАБОРАТОРИЯ: все виды медиц. анализов ...... $9^1/_2$—$7^1/_2$ ч.

ПРИЕМ ДЛЯ ВСЕХ ГРАЖДАН. НАУЧН. РАБОТН. СКИДКА 30%.

Воскресн. и праздничн. прием от 10 до 4 час.

ПОЛИКЛИНИКА 1-го МОСК. ГОСУД. УНИВЕРСИТЕТА Б. ЛЕЧЕБНИЦА ОБЩЕСТВА РУССКИХ ВРАЧЕЙ

ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ НА ДОМ

Арбат, Серебряный пер., д. № 5. Телеф. 3-78-85.

Прием по всем специальностям от 9 час. утра до 8 час. веч., воскрес. от 9—3 час.

Детское Отделение. Урология. Зубоврач. каб. (искусств. зубы).

ЭЛЕКТРО-СВЕТОЛЕЧЕБНЫЙ КАБИНЕТ. ЛЕЧЕНИЕ РАДИЕМ. ЭМАНАЦИЯ РАДИЯ.

Лаборатория. Рентген. КОНСУЛЬТАЦИЯ ПРОФЕССОРОВ по предв. записи.

ПОЛИКЛИНИКА 2-го МОСК. ГОСУД. УНИВЕРСИТЕТА

Ул. Герцена (б. В. Никитская) д. № 12/в. Тел. 1-88 99.

ПРИЕМ БОЛЬНЫХ ассистентами клиник по всем специальностям ежедневно от 9 ч. у. до 8 ч. в., по праздн. от 9 ч. у. до 4 ч. д.

Консультанты ПРОФЕССОРА и ПРИВ.-ДОЦЕНТЫ по предв. записи

СПЕЦИАЛЬНО: КОЖНЫЕ бол., СИФИЛИС, УРОЛОГИЯ (мочеполов. бол. и гонорреи), ТУБЕРКУЛЕЗ легких, костей и суставов, ОРТОПЕДИЯ, ЛЕЧЕНИЕ ЗАИКАНИЯ, картавости, косноязычия и т. п. ЗУБОВРАЧ. ОТД. Лаборатория. Рентген. Электро светолечение.

Прием для всех граждан. Учрежден. и коллективам СКИДКА по договорам. Курсовым б-ным, член. С. Н. Р., военнослуж. и студ. вузов—25% СКИДКИ.

ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ НА ДОМ.

Частная СТАРО-ТРИУМФАЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ. КОНСУЛЬТ. ПРОФЕССОРОВ.

Тверская, бл. Страстной пл., М. ПАЛАШЕВСКИЙ, д. 4. Т. 1 38-76.

Внутренние, детские ... 9—8	Туберкулез ...... 9—3; 6—8
Женск., акушер. ...... 9—8	Уха, горла и носа ..... 9—8
Нервные. .... 9—1; 6—8	Глазн., подбор очков . 12—$5^1/_2$
Кожно-венер. и мочепол. 9—8	Зубные, хирургия ..... 9—8

ЧАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА БОЛЕЗНЕЙ УХА, НОСА и ГОРЛА

с постоянными кроватями д-ра А. Я. ШАПИРО. (Сущ. с 1907 г.).

ПЕРЕВЕДЕНА с Неглинного пр. в Б. КИСЛОВСКИЙ пер., 5, (между б. Никитской и Воздвиженкой), трамвай: 4, 16, 17, 22, 31; автоб. 2, 4, 9. Телеф. 2-12-04.

ПРИНИМАЮТ: с 10—3 ч. Абрам Яковлевич ШАПИРО, „ [illegible] ч. Соломон Семенович БЕРЛИНД, „ [illegible] ч. Василий Федорович ОЗИРНЕ. По воскр. 10—1 ч. Александр Солом. НАТАНСОН.

КОНСУЛЬТАЦИЯ по пластич. операц. носа, лица и расщелины неба от 3—4.

КООПЕРАТ. Т-во ВРАЧЕЙ СМОЛЕНСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

ВЫЗ. ВРАЧ. ПРИЕМ

Смоленский рынок, 2/17, уг. Арбата (ход с Арбата). Тел. 72-72.

Внутренние 9—9. Уха, горло, нос. 9—3, 4—9. Хирургия .... 9—9. Женские . 9—9. Венер., сифил., [illegible] 9—9. Зубн. (иск. з.) .... 9—9. Нерв. 9—12, 5—8. Женск. гонорреи 11—[illegible]. Глазн. от 10 ч. у. до 8 ч. в.

Горное солнце, электролеч., рентген, анализы, врачебная косметика.

Д-р ЭНТИН. Сиф. и венер. [illegible]. Анализы. Пр. во всякое время дня. Тверская [illegible], [illegible] пер., д. 2, кв. 80. Тел. 3-82 18.

Женщ.-ВРАЧ А. Я. [illegible]. [illegible] и венер. бол., женск. гонорреи. Пр. 9—10, 4—[illegible]. Покровка, Подсосенский пер., д. [illegible], кв. 16, 4-й эт.

Д-р ЗДРАВОМЫСЛОВ. [illegible] (против [illegible]). Тел. 1-10-45. Венер., мочеп. и нервн. Прием 8—1 ч. и 4—8 веч.

Д-р ШАЛЫТ. Тел. [illegible]. Нервные болезни (ГИПНОЗ). Прием ежедн. от 5—7 час. [illegible], [illegible] 11.

Акушер ВАСИЛЕВСКИЙ ПЕРЕЕХАЛ на 1 Мещанскую, Грохольский, 4, близ Сухаревской площ. Телефон 5-61-28.

Д-р Л. [illegible] Мясницкая, 21, пр. почтамта, кв. 6 во дворе. СИФ. ВЕНЕР., МОЧЕПОЛ., КОЖН. Пр. 9—1 и 4—8. Анализ мочи и крови.

Д-р ВОЛОДАРСКИЙ. Покровка, 18, кв. 21. Кожн. (волосолеч.) Мочепол. и [illegible]. Электролеч., горное солнце, диатермия. Пр. ежедн. 8—1[illegible], 4—8.

ОБ'ЯВЛЕНИЯ ВРАЧЕЙ ЛЕЧЕБНИЦ ПРИНИМАЮТСЯ на ЛЬГОТНЫХ УСЛОВИЯХ

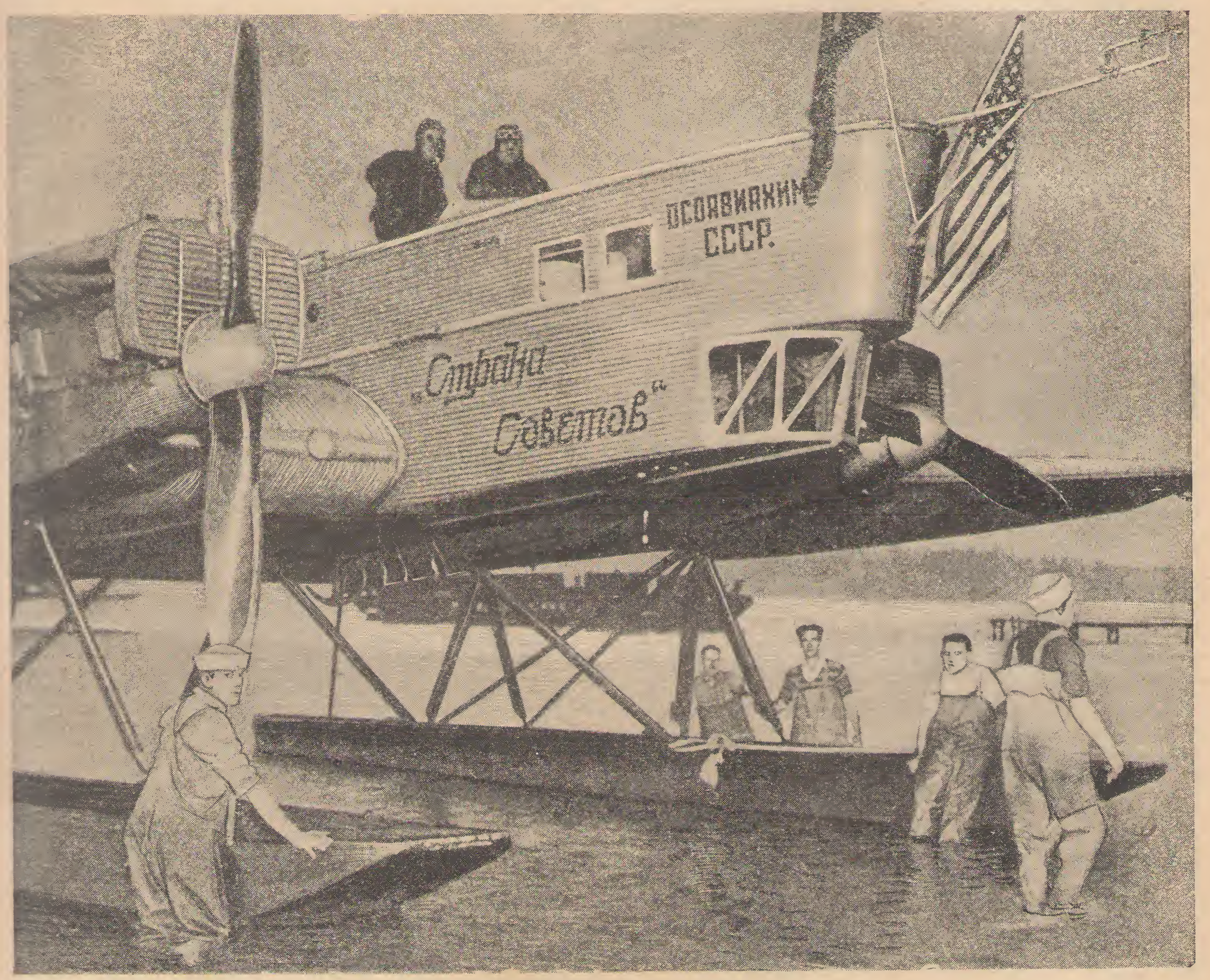
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 46
10 ноября 1929 г.

КРАСНАЯ НИВА

СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ.

„СТРАНА СОВЕТОВ“ В АМЕРИКЕ

«Страна Советов» в порту г. Сиетл

Перелет «Страны Советов» из Москвы в Нью-Иорк знаменует новый этап в истории советской авиации. Тов. С. Каменев, зам. Наркомвоенмора и зампред. Осоавиахима, пишет об этом перелете:

«Океан впереди!

Здесь все под вопросом: самолет кажется недостаточно мощным. Его грузопод'емность оставляет желать большего. Его мореходность в океане под сомнением.

Испытания — это положительно скорбный путь капитана корабля Шестакова. Он днюет и ночует на аэродроме, а с ним на аэродроме и рабочие бригады, которые подготовляют самолет к путешествию.

Неполадки изводят, неполадкам конца нет. Одно утешение — неполадки по своему характеру становятся все менее и менее значительными, они уже не решают вопроса о перелете. Однако, и эти неполадки глубоко задевают Шестакова и весь экипаж, с тем же сердцем все говорят о них. И они правы: о к е а н в п е р е д и.

В этих условиях мелочей нет — все важно. Он одинаково требователен и одинаково настойчив в своих требованиях. Рабочие бригады, выбиваясь из сил, устраняют каждую неполадку.

Теперь неполадок нет, — есть подготовленный к перелету самолет, прекрасно изученный капитаном и экипажем. Качества летного состава должны восполнить то, чего недостает в машине.

Но этому самолету не посчастливилось: до океана он не долетел.

* * *

Вследствие аварии пришлось вылететь тому же самому экипажу на другом самолете и в период времени менее благоприятный по метеорологическим условиям. Без того не легкое задание стало еще более рискованным.

Центр тяжести в обстоятельствах, от которых зависит успех путешествия, резко переместился: с р а с ч е т а — на с л у ч а й и с опыта — на м у ж е с т в о.

«Океан впереди» — стало более грозным. «Океан впереди» — стало вопросом мужества красного экипажа и торжества советского производства.

* * *

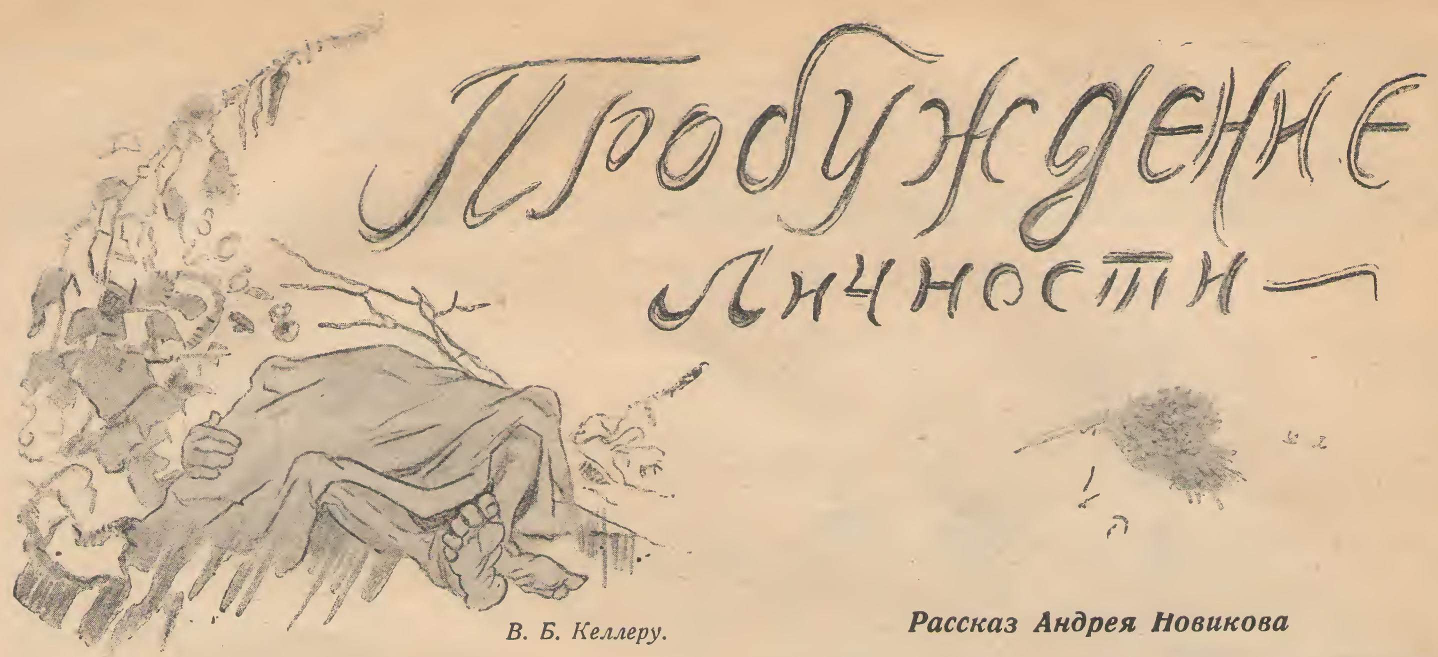
Теперь:

О к е а н п о з а д и!

Это — неоспоримое торжество красной авиации и советского авиостроения. Перелетом «Страны Советов» через океаны начинается новый этап в истории авиации в стране Советов.

С. К а м е н е в».

Рис. Н. Надеждина

В. Б. Келлеру.

Рассказ Андрея Новикова

Придет время, когда погибнет и всё, возрастающее в теплице: тогда мир согреет все сердечностью и теплотой.

Мак. Сигайкин. «Философия простака».

ВОЗМУЖАЛАЯ агрономическая наука признала бурьян травой вредной: он причислен к разряду сорняков, занявших почетное пространство на советских полях.

Кузьма Федотович Шаповаленко, житель деревни Кунья-Сармы, одно время имел веское возражение против этой установившейся научной догмы.

— Все, что возрастает само по себе, — не может быть бесполезным, — говорил Шаповаленко. — Идеи, как и бурьян, зарождаются дуриком. А поэтому не есть ли он, бурьян, растение величайшее из всех трав?!

Кузьма Федотович не предполагал, что идеи возникают от причин, а всякое растение бывает двуполым: растение мужского пола пыльцой, исходящей от цветения, оплодотворяет противоположный пол.

Однако, мнение Шаповаленки о значении бурьяна заслуживает всестороннего внимания. Овладев в полной мере терминологией, он находил две полезности бурьяна: положительную и относительную.

К полезности положительной бурьян причисляется как сухоустойчивое растение; к полезности же относительной — как растение массовое, возрастающее вне плановости. К тому же бурьян превозрастает на развалинах, а Кузьме Федотовичу доподлинно известно было, что на развалинах старого мира возрождается новая общественность.

Шаповаленко жил в деревне, а позади его хаты без причин превозрастал бурьян. Весной беспокойные куры водили туда торопливых цыплят, а дряблые старики ходили по нужным делам. В ранней возмужалости Шаповаленко туда же приглашал девушек для душевных разговоров, и почти каждая девушка, сломивши стебель бурьяна, преподносила его ко рту, что и освобождало ее от обязанности говорить вздор.

На восемнадцатом году жизни Кузьма Федотович изведал сладость любви. Местом сладострастья был бурьян, а предметом — Пелагея, прозванная по-уличному Галендухой (впоследствии эта девушка для благозвучия переменила имя Пелагея на Полину, а вышедши замуж, приобрела фамилию Жамкина). Разнежившись от взаимных ласк и возбужденные страстью, молодые люди прикатали большую площадь бурьяна, а когда Галендуха вернулась домой, от нее несло дурным запахом. Отец Пелагеи, подняв глаза, пытливо посмотрел на дочь: он понял все, и радость была омрачена, а любовь опозорена. Ночью Шаповаленко ушел в неведомые для сельчан страны и, отбыв юношей, возвратился в деревню возмужалым.

Его хата превратилась в развалины, поросшие бурьяном, и на развалинах он присел отдохнуть.

— Шел я напролом, думал, что за горизонтом блинцы, — сказал он сам себе и пополз в бурьян, где возлег на брюхо.

Тем летом надвигался голод, и Кузьма Федотович не выходил из бурьяна, чтобы не смотреть на людское бедствие. На зиму он поселился в холодном соседнем сарае, сложив туда запасы бурьянных стеблей, слегка просоленных. На дверях жилища, в созвучие собственной фамилии, он прибил картонную вывеску:

Шью шапки
и
починяю валенки.

Но мужики, по тому времени, не воспользовались услугами шаповаленского ремесла, ибо каждый предпочитал дома кипятить валенки в воде, чтобы добывать отвар для кваса. Только среди зимы какой-то старик доставил для починки старые кожаные опорки, служившие ему обувью для ночных выходов. Кузьма Федотович размочил опорки в воде и обнаружил мягкость кожи. Он попробовал пожевать подошву, и она оказалась вкусной. Два дня Шаповаленко не сосал сочных стеблей бурьяна, питаясь кожей и убеждая себя в том, что кожа сродственна мясу.

Торговец обманул мужика...

В деревню часто прибывали горожане, и Шаповаленко, слушая их речи, долго думал о том, куда иссякли из обихода простые слова. Слова горожан не хватали за душу, хотя и была она обнаженной. Правда, Кузьма Федотович знал, что каждый мужик душевность прячет, путь к ее обнажению весьма извилист, но тем не менее он был в большой претензии к горожанам. Будучи на базаре, он наблюдал, как один мужик покупал штаны. Торговец перемахнул через руку с полдюжины брюк, а взоры мужика упали на одни. Мужик просил уступить четвертак, а торговец, для выгоды ремесла изучив мужицкую душу вообще, тряхнул брюками перед глазами.

— Да ведь у тебя денег нет! Тоже покупатель, — потянул торговец вызывающе. — Давай пятерку за все!

Мужик оскорбился и, дабы доказать, что у него деньги есть, выхватил брюки из рук торговца и стал доставать из-за пазухи гаман.

Торговец обманул мужика, и Шаповаленко догадался, что вместо душевности у мужика оказалась широкая натура, над которой насмеялся хам. В знак протеста Кузьма Федотович ушел снова в бурьян, где учредил пять различных канцелярий, чтобы отписываться от всех городских ведомств. Списки и форменные бумаги он составлял собственноручно и подписывался как за каждого мужика в отдельности, так и за всех председателей, полагающихся по сельской общественности, сам. Подписи он ставил с обеих рук, а один раз расписался даже правой ногой. Печать к деловым бумагам ставил гербовой стороной медного пятака, закоптив ее на керосиновой горелке.

Как-то Шаповаленко вышел из бурьяна, чтобы пройти вдоль села. Он вспомнил про с'еденные во время голода опорки. Старик—владелец опорок—голодал, и Кузьма Федотович видел, как он глотал слюну, узнав, что опорки с'едены. Глаза старика блестели, как у женщины, изголодавшейся по мужчине. После старик умер, и тело его распухло. Оно дрыгало, как студень, и голодные люди стучали зубами от голода и аппетита. Шаповаленко вздрогнул от ужаса и обиделся на себя.

На улице он встретил Полину Жамкину, и думы о старике покинули его. Полина посмотрела на Шаповаленку лукавыми женскими глазами и заулыбалась.

— Галендуха! — воскликнул Кузьма Федотович как-то радостно.

Полина вздернула брови.

Начзак был некогда крестьянином и явно тосковал по земле

— Вахлак! — сказала она. Ей было обидно за столь грубое старое наименование.

— Ты не сердись, Пелагея, — сказал опять невпопад он.

— Вахлак! — подтвердила Полина, но уже ласково. Полина была замужем за Жамкиным—мелким сельским торговцем — и привыкла к более деликатному обращению. Она носила светло-голубые платья городского покроя, чем существенно отличалась от деревенских баб. У нее пробудилось желание говорить с Шаповаленкой, ибо каждый замкнутый человек кажется интересным.

Кузьма Федотович не знал другой женщины, кроме Галендухи, так как мир казался ему малолюдным. Но Галендухой довольствовался Жамкин, а не он, от чего и было грустно. Полина Жамкина стояла покорная, но он не знал, что ей сказать.

— В бурьян приходи, — сорвалось у него с языка.

Щеки Полины зарделись, ибо она вспомнила дни, когда бурьян омрачил ее юность.

— Дурак! — крикнула она сердито и пошла прочь.

Кузьма Федотович понял, что женщину он чем-то оскорбил.

Утром Шаповаленко ушел в город. В городе он подошел к дому заключенных. Дежурный надзиратель спросил, что ему нужно.

— В тюрьму пришел, пороки за собою чую, — ответил Шаповаленко.

Надзиратель был поражен: за долголетнее пребывание в этой должности он не знал случая, чтобы в домзак приходили сами преступники,—туда только приводят. Но надзиратель на всякий случай вызвал начальника. Начальник его выслушал и попросил документы. Шаповаленко показал удостоверение, им самим написанное.

— Документ твой в порядке, — сказал начальник, — но в домзак тебя заключить не могу. Оснований нет.

Будучи по натуре жалостливым человеком, начдомзака обласкал Кузьму Федотовича, на лице которого выразилось скорбное недоумение. Не предполагая, что тюремщики мо-

Тем летом надвигался голод...

гут оказаться добрыми людьми, Шаповаленко от неожиданности заплакал. Начдомзак осторожно взял его под руку, они отошли и сели в канаве, заросшей травой. Начальник был рад, что наконец-то люди начали бичевать свои собственные пороки и, быть может, скоро наступит конец его неприятной должности. А до сих пор он думал, что пороки должны выявлять служилые люди, ибо сами они должны быть непорочными. Начзак был некогда крестьянином и явно тосковал по земле. Он говорил о клевере и чечевице, о полезности кенафа и о целесообразности посева клещевины. Затем, перейдя в область политики, он сообщил о том, как хорошо станет судьям и следователям, когда все люди будут бичевать собственные пороки.

— А что же они тогда будут делать? — робко спросил Шаповаленко. Начдомзака был мудр от простоты, а прозорлив от общей перспективы.

— Судьи и следователи-то?—переспросил он. — Они углубятся в исследования социальных причин, придавая этим вопросам научное значение. Таким образом они из судей превратятся в научных деятелей...

Я встретил Шаповаленку в вагоне поезда пригородного следования. Обозревая цветущие сады окрестных сел, я смотрел в открытое окно. Человек, разместившийся напротив меня, и был герой моего рассказа.

— Теперь и я люблю цветы,— сказал он. — а раньше обожал бурьян...

Он был одет в костюм серого солдатского сукна, а на голове одета черная шапка, сшитая из голенища валенка. Я догадался, что форма его костюма связана с прежним ремеслом: «шью и починяю валенки». После разговора с начдомзака Шаповаленко обрел покой и приобщился к общению с людьми. Выпросив у соседа заступ, он вскопал площадь, заросшую бурьяном. От работы ему было весело, и он пел песни, еще неведомые сельчанам. Однажды, когда Кузьма Федотович работал и пел, около него остановилась проходившая мимо Полина Жамкина. Она улыбалась и лукаво подмигивала глазом. Кузьма Федотович опустил заступ и, выпрямив корпус, серьезно посмотрел в ее сторону.

— Отойди, Пелагея, — сказал он. — Во мне пробудилась личность, а ты явно мой классовый враг...

Около него остановилась Полина Жамкина

ДЕКРЕТЫ

А. КРАИСКИЙ

По лужам, по грязи смешная девчонка
Бежит, предлагая газеты,
Как воробей, заливается звонко:
— Декреты. Декреты. Декреты.
— Вся власть советам—декрет номер первый.
— Мир всему миру, — декрет номер два...
От крика у барынь — мигрень и нервы,
У генералов кругом голова.

У генералов дрожат эполеты;
От страха? От смеха? — никак не понять.
Фыркают франты: — Собачьи советы.
И уверяют, что — на три дня.
Девчонке нет дела — базарит газеты
Налево, направо... Смешная, постой.
Ты прочитай и пойми, что декреты,
Эти декреты — для нас с тобой.

Отец на войне, задыхаясь от газов,
Мать на табачной, чахоткой дыша,
Слышат твою равнодушную фразу
И за газеты приняться спешат.
Читая, подумают оба, что станет
Их дочка наркомом страны трудовой...
Пойми же, девчонка, пойми же, смешная,
Что эти декреты для нас с тобой.

Советский Таджикистан

Очерк В. Соловьева

На юго-востоке Средней Азии, по долинам и горным расщелинам Памира, в районе бывшей Восточной Бухары, создался и окреп Советский Таджикистан.

Территория его граничит на севере и западе с Узбекской республикой, на северо-востоке — с Киргизстаном, на востоке — с Западным Китаем и на юге — с Афганистаном. Площадь территории достигает 150 тысяч кв. километров, а количество населения равно примерно 1 миллиону человек.

В процентном отношении население делится на следующие группы: таджиков и др. иранцев — 65 проц., узбеков, туркмен, кара-киргиз и др. тюрков — 32 проц., арабов и туземных евреев—1,5 проц. и остальных (русских, индусов, афганцев и др.) — 1,5 проц.

Коренное население Таджикистана, таджики, принадлежит к иранской группе народов и впервые в истории упоминается в III веке нашей эры. Таджикский язык является одним из древних, сохранившихся в наибольшей чистоте наречий персидского языка. Арабская азбука, которой таджики пользовались до сих пор, заменена новотаджикским (латинизированным) алфавитом, выработанным на строго научных основах специальной конференцией по латинизации таджикского алфавита, при участии известного ираниста-лингвиста профессора ленинградского университета А. Фреймана.

Таджикистан — типичная горная страна, в которой небольшие равнины расположены только по течению рек, являющихся большей частью притоками мощной средне азиатской артерии Аму-Дарьи. Горы Таджикистана принадлежат к Памиро-Алайской системе, постепенно снижающейся к западу, и представляют громадные хребты с вершинами свыше 5.000 метров, покрытыми обледенелыми гребнями и ледниками. Подземные процессы горообразования еще далеко не закончены, и этим об'ясняются частые землетрясения, которые в Средней Азии — бытовое явление.

Климат основных районов Таджикистана — Дюшамбе, Куляба, Кургон-Тюбе, Ура-Тюбе и Ходжента — определяется средней годовой температурой воздуха в +12° при средней температуре в январе — 3° и в июле + 27°. Особенно богаты осадками весенние месяцы, осень более сухая. На Памире наблюдаются резкие колебания температуры: от — 46° до + 30°, и разница между крайними температурами достигает таким образом почти 80 градусов.

Растительность Таджикистана очень богата и разнообразна, но далеко не исследована. Посевы хлопка и риса возможны только в районах поливной культуры, по долинам многочисленных рек и низких предгорий.

Также интересен животный мир Таджикистана, но и он мало изучен и ждет своих исследователей.

Недавно закончено сооружение железной дороги от Термеза до Дюшамбе, соединившей столицу Таджикистана с остальной рельсовой сетью Советского Союза. Большинство остальных путей сообщения представляют горные тропы, доступные только для вьючных животных. Регулярную воздушную, почтовую и пассажирскую связь с Дюшамбе поддерживают самолеты «Добролета», совершающие рейсы из Ташкента через Самарканд и Термез.

Незабываемую по красоте картину представляет Таджикистан из окна кабины самолета. После равнинных просторов между Ташкентом и Самаркандом, после песков правого берега Аму-Дарьи вплоть до Термеза, самолет начинает приближаться к горным массивам Таджикистана. Внизу узкой полоской вьется Сурхан-Дарья, справа весь далекий горизонт растет и теряется в горных вершинах. Пятна кишлаков и квадраты хлопковых полей ковровым узором расцвечивают берега рек и горных притоков.

Но вот и Дюшамбе. Самолет делает круг над городом. Огромное, вновь выстроенное здание правительства. Белый четырехугольник Дома Дехканина. Блестят дома отдельных наркоматов. А еще пяти лет не прошло, как здесь шла гражданская война, нынешняя столица представляла груду развалин и случайно уцелевших глинобитных строений. Сейчас города нельзя узнать, он строится бурно и прочно, становясь центром культурного, политического и экономического тяготения всего советского Таджикистана. Теперь это уже не старый эмирский полукишлак Дюшамбе, а новый советский город Сталинабад, как в честь генерального секретаря ЦК ВКП(б), в честь коммунистической партии решил назвать свою столицу чрезвычайный с'езд советов Таджикистана.

С'езд советов заседал с 15 по 19 октября, и он войдет в историю Таджикистана. На нем были подведены первые итоги мирного хозяйственного и культурного строительства, намечены пути дальнейшего развития в целях превращения республики в одну из основных баз хлопководства, приняты решения по перестройке дехканского хозяйства на новых, социалистических началах. Для характеристики темпа строительства достаточно сослаться на цифры, приведенные в докладе председателя ЦИК т. Нафатулла Максума: только за последние три года создано 132 колхоза, при чем количество их в текущем году предположено довести до 400; в кооперацию вовлечено около 100 тыс. дехканских хозяйств; более 10 млн. рублей вложено в дорожное строительство; в то время как до войны собиралось не более 25.000 тонн хлопка, — в этом году на хлопковых заводах Таджикистана перерабатывается немногим меньше 50.000 тонн хлопка; в целом сельское хозяйство не только восстановлено, но по основным отраслям — по хлопку, шелку и животноводству — довоенный уровень значительно превышен.

Эти успехи дают уверенность в дальнейшем развитии народного хозяйства, и не бахвальством, а серьезным и продуманным обязательством прозвучали слова председателя совнаркома тов. Ходжибаева, что «Таджикистан, это — советская Америка».

Совершенно естественно поэтому, что молодая окрепшая республика, освободившаяся от гнета бухарского эмира, расправившаяся при помощи Красной армии с басмачеством, начавшая успешно строить свою советскую экономику и культуру, пожелала непосредственно войти в Союз Советских Социалистических Республик.

Требование самостоятельной республики шло из самых отдаленных кишлаков, и чрезвычайный с'езд советов Таджикистана только оформил его. Отныне Таджикистан верховной волей таджикистанского народа из автономной республики преобразован в Таджикскую Социалистическую Советскую Республику, которая войдет равноправным членом в СССР.

В горах Таджикистана

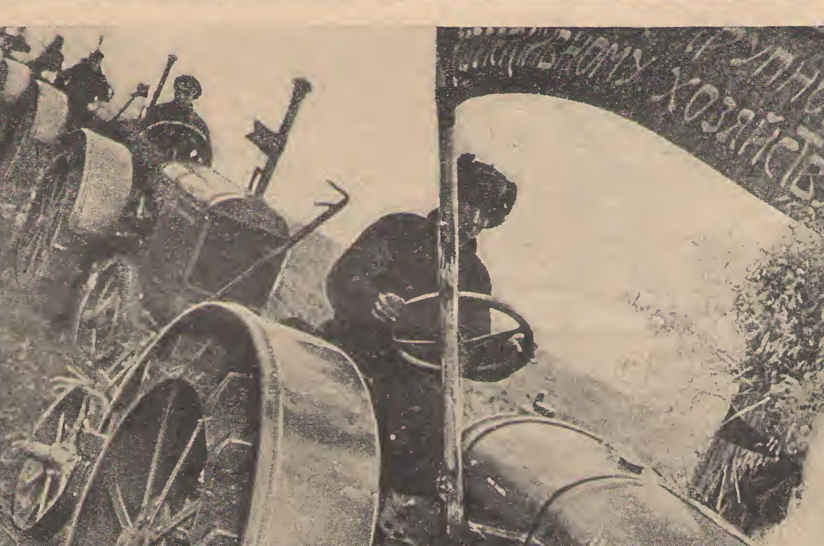
СОЮЗ ГОРОДА и ДЕРЕВНИ

Еголдаевская волость Ряжского района Рязанского округа еще недавно по нищете была «показательной» Норма земли—15 метров на душу. Своего хлеба никогда нехватало. Население испокон веков занималось сбором тряпок, работая на кулаков-скупщиков. Часть населения занималась профессиональным нищенством в Москве и губернии.

Пять месяцев назад по почину шефа — сотрудников ЦК ВКП(б) и рабочих завода «Красный факел» в волости была организована первая в Московской области тракторная колонна в 25 тракторов (10 тракторов марки «Интернационал» шефу передали сотрудники Берлинского торгпредства и полпредства). Тракторная колонна дала возможность организовать в районе широкое товарищество по совместной обработке земли, в которое вошло 70 проц. крестьян, преимущественно беднота.

В Еголдаевской волости 50 проц. неграмотных мужчин и 80 проц. женщин. Шеф отпустил 500 р. на ликвидацию неграмотности, и сейчас в волости работают 10 пунктов ликбеза.

В связи с тем, что в Еголдаеве до 40 проц. венериков (бытовой сифилис), здесь работает сейчас посланный шефом врач-венеролог. С помощью шефа улучшено положение школы и работают детские ясли на 50 душ. Сейчас в волости идет оборудование кирпичного завода, постройка мостов, дороги и пр.

Все эти мероприятия вызвали сопротивление со стороны кулаков, которые в отместку сожгли общественную ригу.

НА СНИМКАХ (слева направо, сверху вниз): дом бедняка Еголдаевской волости; подворное обследование населения врачами; общественное хранилище картофеля, сооруженное товариществом по совместной обработке земли; шефская тракторная колонна; рига, сожженная кулаками; арестованные кулаки, обвиняемые в поджоге

Паранджа

А. Аграновский

«На это заседание с'езда совета пришли тысячи женщин и девушек—учащихся города с требованием об издании декрета о снятии паранджи».
(Из самаркандской газеты).

Это была наглая ложь. Я присутствовал на всех заседаниях с момента открытия с'езда советов до часа его закрытия, но того, что сообщает газета, не видел. Было другое: в первый день работы с'езда в торжественной части на трибуну поднялась работница-узбечка, приветствовала делегатов, привела несколько горьких примеров тяжелой участи узбекской женщины и высказала пожелание о скорейшем осуществлении лозунга советской власти насчет раскрепощения женщин. Вот все, что было сказано. Никаких «тысяч», никаких требований, да и вообще с каких это пор в Бухаре об'явились в учебных заведениях «тысячи женщин и девушек»?

Газетная заметка произвела гнетущее впечатление. Обидно было за газету, за автора. Зачем выдумывать, лгать, зачем срамить себя всенародно?

На смену первому настроению пришло соображение более серьезного порядка. Ведь вот так создается общественное мнение. Сегодня «требуют» декрета о снятии паранджи бухарские «тысячи», завтра потребуют этого ферганские женщины и девушки, а там пойдут миллионы. Прочтут об этом в Ташкенте, в Москве и впрямь решат, что таково единодушное требование всех женщин Узбекистана. Но так ли это? Действительно ли назрел вопрос о декрете? Действительно ли настал момент, когда правительство должно административным путем об'явить паранджу вне закона? Или, быть может, узбекской женщине должна быть оказана совсем иная помощь, и общественное внимание должно быть мобилизовано для осуществления совсем иных чаяний узбекской женщины?

В течение полуторамесячного путешествия по Средней Азии я был неоднократно осаждаем женотделами различных городов, которые настаивали на издании декрета против паранджи. И в Бухаре, и в Фергане, и в Андижане меня засыпали самыми жуткими фактами из области преследования женщин, которые в основном сводились к тому, что будет декрет—будет раскрепощена женщина, не будет декрета—революция в опасности. А между тем все жуткие факты, которые приводились женработниками, меньше всего говорили за спасительный декрет. Но таково единодушное мнение женотделов, «так проходит слава по миру», так создается общественное мнение, и в этом году к годовщине женского дня, наперед можно сказать, опять появятся статьи за декрет, призывы, резолюции «тысяч женщин и девушек», снова будет истерика, и снова общественное внимание будет отвлекаться от истинных, неотложных задач, стоящих на пути действительного раскрепощения женщины Ближнего Востока.

* * *

Весь вопрос в правильном анализе происходящих сейчас в Узбекистане процессов борьбы за паранджу и против нее.

Когда я узнаю, что в селе Куп'яр, Янги-Курганского района, Коримбаев Курсан убил свою жену Адамостан за то, что та отказалась жить с ним и потребовала развода, я говорю: Курсан Коримбаев не против паранджи. Он деспот, и вне зависимости от того, будет ли издан декрет или не будет издан, до тех пор, пока мы не перевоспитаем подобных извергов и деспотов, они будут издеваться над женщиной.

Я открываю сводку андижанского прокурора о движении дел, «связанных с раскрепощением» женщин, и читаю:

«В селении Мундус Ибрагим Умарбеков предложил своей жене Джасибе переехать на новое местожительство. Когда та отказалась, он ударом ножа убил ее».

«Хасанбай Мурзакаримов нанес своей жене Кумрехан четыре ножевые раны за то, что она несвоевременно приготовила ему чай».

Сводка длинная, в ней приводится десятка два аналогичных «дел». Но опять-таки, по мере того, как я вчитываюсь в материал, все яснее и яснее становится, что вопрос не в декрете о снятии паранджи, в приведенных примерах не упомянуто даже слово «паранджа», возможно, что Кумрехан, несвоевременно приготовившая чай Хасанбаю, вполне правоверная мусульманка и активная сторонница паранджи. Почему же эта история попала в сводку прокурора о делах, «связанных с раскрепощением»?

Убийство женщины из-за несвоевременно приготовленного чая и из-за того, что она сняла паранджу, конечно, явления одного порядка. И то и другое говорит за то, что женщина—раба мужчины, что она ни во что не ценится. Но следует ли отсюда, что декретом можно решить этот вековечный вопрос, что достаточно издание декрета об обязательном снятии паранджи, чтобы женщина сразу воспрянула, муж пал моментально ниц, а женотдел и все мы, вместе взятые, считали бы себя свободными от систематической углубленной работы по перевоспитанию аула и кишлака?

В Бухаре узбек облил себя керосином и сжег себя всенародно из-за того, что обе его жены раскрылись. Вы чувствуете силу протеста? В Андижанском округе в одном селе группа узбеков отрубила голову раскрытой женщине и, как футбольным мячом, играла головой на глазах у односельчан. В третьем месте раскрытая женщина, спасаясь от преследовавшего ее мужа, стучалась во все двери, но ни один сосед не впустил несчастную в дом. Она была зарублена в присутствии десятка мужчин и женщин.

И вот такому варварству, для определения силы которого не подберешь подходящего эпитета, пытаются противопоставить декрет. Женщина в праве-де будет заявить мужу: не я сняла паранджу, меня заставил декрет... Ах, декрет? — переспросит муж, тогда прошу извинения. Больше не буду мучить тебя, издеваться и резать

О, наивность!

Сижу на бухарском с'езде советов, на том самом, который приветствовали «тысячи женщин и девушек», «требуя» издания декрета, и внимательно вслушиваюсь в речи делегаток. Я не понимаю узбекского языка, но по горячим глазам, по страстной жестикуляции догадываюсь, что товарищи говорят об очень серьезных обидах. С нетерпением жду перевода.

«Обращаю также внимание с'езда на то, что у нас совершенно отсутствуют клубы и школы, что в период раскрепощения женщины совершенно недопустимо, ибо она лишена возможности проявить активность».

«В 1926 году была проведена земельная реформа. При разделении земли была также привлечена женщина. Землю ей дали, но кредита и другой соответствующей поддержки не дали, и она вынуждена была отдать свою землю в аренду баям. Из этого видно, что сельское хозяйство, которое поручено было женщине, не может обойтись без государственной помощи».

«Райисполкомы и сельсоветы совершенно не втягивают раскрытых женщин в общественную работу, и женщина стоит в стороне от всякой культурной и общественной жизни».

«Наши женщины из-за недостатка общественной помощи зачастую идут на улицу и развивают проституцию. Наша женщина абсолютно неграмотна, некультурна, и потому с н я т и е п а р а н д ж и д а л е к о е щ е н е е с т ь р а с к р е п о щ е н и е ж е н щ и н ы».

А в частной беседе одна делегатка-коммунистка, председатель крупного сельсовета (узбечка), сказала еще яснее:

— У нас есть женщины, которые поверили нашему лозунгу, сняли паранджу и... воюют сейчас с мужьями. Были бы они самостоятельны, учились бы ремеслу, грамоте, шли бы к светлому пути т. Ленина, они бы выиграли борьбу с мужьями. Но, дорогой товарищ, поддержки нет, женщина одинока в борьбе, проходит месяц, другой, от лозунга ничего не остается, и опять приходится одеть паранджу, и только синяков на теле прибавляется новых много-много...

Беру цифру. Из бюджета узбекского Наркомпроса на женское образование отпущено было в прошлом году всего 4 проц. И это при стихийной тяге узбекской женщины к учебе и раскрепощению! Какой декрет о снятии паранджи, архистрого проведенный в жизнь, с самыми тяжкими карательными санкциями за противодействие, сумеет при таком положении удержать раскрывшуюся женщину на ее новых позициях (в борьбе с мужем), если она весь свой век вынуждена прожить в невежестве, если даже грамоту не дают ей изучить!

Советское законодательство в защиту женщин и в частности в защиту восточной женщины—лучшее в мире. Это признано

всеми. Никогда в истории человечества женщина не была поставлена на такую высоту перед законом и в обществе, как это нам удалось осуществить сейчас. Весь вопрос только в умелом и полном применении наших законов на практике, весь вопрос в мобилизации сочувствия к этим законам со стороны широчайших масс трудящихся.

Но вот я узнаю, что ответственный работник и член ЦИК Узбекистана, член партии, некий Касим Хаджаев сам активно агитирует против раскрепощения женщины. Заодно и против латинизации узбекского письма, ибо латинское «t» похоже на крест, а христианство несовместимо с магометанством. Повод присмотреться ближе к вопросу о «сочувствии широчайших масс» более чем подходящий. Изучая проблему, обнаруживаю:

Бывший начальник уголовного розыска, работающий сейчас в окружном земотделе в Бухаре, некий Азимов, изнасиловал в 1925 году трех девушек. Судом вынесен приговор, что «в силу малограмотности» обвиняемого наказание выносится ему условно. В 1926 г. Верховный суд отменил приговор, но дело затянулось до 1929 года, а сейчас оно прекращено за давностью.

За 1928 г. по Андижанскому округу не прошло через суд ни одного дела о калыме, о выдаче замуж малолетних, о многоженстве. По Сурхан-Дарьинскому округу из рассмотренных за целый 1928 г. 111 «бытовых» дел (их называют бытовыми, а не мешало бы называть яснее: уголовно-бытовыми) 89 прекращено, а обвиняемые по остальным делам (развращение малолетних, купля женщин), кроме четырех обвиняемых, оправданы.

Обследование загса Старой Бухары показало, что за 1928 год гузарными комиссиями (участковыми сельсоветами) выдано девушкам 169 фиктивных удостоверений о совершеннолетии. Горсовет знал об этом, но не принял мер.

Вот вам и «сочувствие широчайших масс». Обнаружены случаи, когда в загс являлись «невесты» с куклами. Когда такую невесту спрашивали для формы, согласна ли она выйти замуж, ответ раздавался из-под стола, хотя роста невеста была нормального: жених надевал на невесту высокий колпак и всю ее закрывал паранджей.

Значит, дело не только в законе, не только в декретах, а в коренной ломке тысячелетних традиций и варварских обычаев. Дело в перевоспитании хотя бы передовых отрядов, но в том-то вопрос, что даже в среде передовых отрядов далеко не выкорчеваны наследия прошлого.

Директор Ферганского педтехникума (коммунист) за два дня до женитьбы говорил приятелю, что, «кажется», женится на Шакаровой. «Ну, как?—спросил его приятель через несколько дней,—женился?»—«Да,—ответил директор педтехникума,—но не на Шакаровой. Товарищи другую посоветовали».

В Фергане исключили девушку-ученицу из комсомола за то, что она осмелилась взять у другого комсомольца учащегося несколько орехов. Это было расценено как разложение, разврат.

Директорская женитьба и история с орехами—явления одного порядка: узбекская женщина еще не завоевала у мужчины должного к себе отношения. Член партии Тимур-Нажим, сотрудник газеты «Таджик», имея жену европейку и живя с ней вполне «законно», одновременно платил калым гиджуванскому мулле за его дочку. Недавно Тимур-Нажим женился на этой девочке, которой было от роду 13 лет, жене европейке сказал: «Эта женитьба мне выгодна, так как выплаченный калым составляет большое состояние».

Мне говорили, что один активист-батрак на вопрос, что он сделал бы, если бы он заработал много денег, ответил, не задумываясь: «Если бы имел много денег, купил бы красивую жену, сокола и нанял бы малая». Допустим, что это анекдот. Но далеко ли ушел приведенный анекдот от жизни, от покупки журналистом-коммунистом 13-летней девочки у муллы?

Селькор обращается в газету «Кзил Узбекистан» с вопросом: «Старик-отец пришел с топором к заведующему кооперативом отомстить ему за позор дочери, с которой сошелся заведующий кооперативом. Кооператор убил старика выстрелом из револьвера. Кто виноват? Барышня, любовник или отец?» И вот запрос селькора передается газетой для «разрешения»... в коллегию защитников.

Надо ломать быт. Вот единственный вывод, который напрашивается, и конечно, не декретом и не путем издания обязательных постановлений. К сожалению, это не всем ясно. В Янги-Курганском районе сагитированный отряд пионеров напал на арбу, в которой ехало несколько закрытых женщин, и с шумом и гиком сорвал со всех паранджу. В селении Асаке женщина-милиционер (узбечка) и зав. женотделом срывают на улице паранджу у проходящих женщин. Куда это годится?

В ряде мест Узбекистана «активная» борьба с паранджей оказалась понятой крайне превратно. Население решило, что речь идет о парандже и чачване, как таковых, и женщины стали заменять паранджу и чачван сатиновыми вуалями «яхтай» и большими платками. Вот как можно извратить идею подлинного раскрепощения!

Проблема разводов—особая тема. В последнее время количество разводов настолько выросло, что превратилось в большое бытовое явление. Но напрасно вы стали бы допытываться у лиц, коим этим ведать надлежит, о причинах этого явления. Никто ничего не знает, никто этим вопросом не интересуется. В лучшем случае представят ничего не говорящие цифры. А между тем правильный анализ причин массовых разводов внес бы большую ясность в методы дальнейшей борьбы за раскрепощенную женщину.

Почему жены стали уходить от мужей? Есть «теория»—ее охотно распространяют,—что разводы происходят на половой почве. Возможно, что в этом есть доля правды? Но неужели этой убогой теорией исчерпывается весь вопрос? А где процессы расслоения семьи на почве политической борьбы, на почве борьбы женщины за самостоятельность, наконец, на почве классовой борьбы (покупка баями бедняцких дочерей)?

Мне известен случай одного развода. Фатима Азимова, женщина преклонных лет, вдруг сбросила паранджу. 40 лет носила паранджу, была правоверной мусульманкой, народила множество детей, ходила дважды с мужем в Мекку и вдруг — или разреши снять паранджу или дай развод.

Фатима Азимова, 40 лет не снимавшая паранджи, оказалась... Ксенией Ивановной Барановской. Дочь сахалинского ссыльного, она 10-летней девочкой была продана за водку нынешнему мужу, отбывавшему там за какое-то преступление наказание. С тех пор прошло много лет. Ксения забыла и родителей, и родину, и язык свой, даже лицом стала узбечкой, и вдруг... Вот это-то «вдруг» остается неизученным нашими женотделами, которые регистрируют разводы, но не пытаются углубиться в их причины.

В Асаке я специально интересовался в загсе вопросом о разводах. Оказалось, что заведующая загсом, активная партийка, когда к ней являются регистрировать развод, считает «невозможным» выяснять причины развода. Это дело частное. Загс не в праве вмешиваться.

Декрет, декрет! — вопят на собраниях «активистки». — Освободите женщину от конской вуали, раскрепостите женщину-узбечку! А сами не пытаются даже изучить такого простого, но вместе с тем первостепенной важности вопроса, имеющего прямое отношение к декрету, как вопрос о происхождении разводов, вопрос о характере наступившей ломки быта.

* *

День за днем узбекская женщина отвоевывает все больше и больше прав на участие вместе со всеми в грандиозной перестройке и стройке народного хозяйства своей страны. Мы можем похвастать и без декрета исключительными завоеваниями в этой области. Но все это дается не легко, это стоит многих десятков и сотен женских жизней, это сопряжено с мучительной неравной борьбой, ибо на стороне женщины почти-что только «голый» закон, на стороне мужчины — кулак-бай, тысячелетние традиции, темнота, невежество, косность общественности, а иногда прямое сочувствие известной части советского аппарата и даже членов партии средневековым навыкам и взглядам. Значит вопрос не в декрете.

Когда женщину убивает озверелый муж-собственник, бороться с преступником нетрудно. Наш суд не щадит убийц. Гораздо труднее предупредить убийство, создать такое настроение в обществе, при котором невозможны были бы зверские расправы с женщиной. Декрет о парандже не только не явился бы спасительным средством, ибо он вызвал бы еще большую ярость и без того обозленных наших классовых врагов, совершенно правильно расценивающих борьбу с паранджей, как борьбу с ними в первую очередь, но, что особенно важно, он отвлек бы нас от истинных задач, стоящих перед нами в борьбе за раскрепощенную женщину.

Решение вопроса не в декрете, а в вовлечении раскрывшихся уже женщин и тех, которые еще закрыты, в активную общественную жизнь, в классовую борьбу с байством, в учебу. Надо научить женщину грамоте и ремеслам. Решение вопроса не в декларативных законоположениях, а в превращении забитых узбечек в самостоятельных, сознательных и активных участников строительства. («Обращаю внимание с'езда, что у нас совершенно отсутствуют клубы и школы!..») А это можно будет провести в жизнь только тогда, когда удар будет перенесен на подлинное перевоспитание масс и на решительную борьбу с теми, кто, сидя в нашем аппарате и прикрываясь советской маской, искажает наше законодательство, искажает установку партии на раскрепощение женщины. Нельзя сколько-нибудь серьезно ставить большой вопрос об об'явлении паранджи вне закона, когда в Бухаре на глазах у всех наша советская кооперация закрывает единственную женскую лавку, так как она «невыгодна»: мужчина покупает товар раз—два, а женщина час выбирает. Мы не сумели еще научить женщину в лавку ходить, а мужчин—отпускать им метр бумазеи, где нам до «вопроса в целом»!

И пусть меня простят горячие сторонники немедленного издания декрета, но эта страстная тяга к декрету производит впечатление, что его сторонники хотят прикрыть им свою с л а б о с т ь. Вместо борьбы—настоящей, серьезной, систематической, длительной—за новый быт и коммунистическое общество, вместо вовлечения в эту борьбу широчайших масс трудящихся, и в первую очередь батрачества и бедноты, они хотят одним росчерком пера решить все больные вопросы.

Декрет об обязательном снятии паранджи нужен, но надо подготовить почву для него, чтобы он не превратился в фикцию.

ЗАВОД

Очерк Ник. Ассанова

Урал волнуется и дышит. Он дышит новыми трубами возникающих заводов. Он растет в пятилетнем плане Союза и завоевывает почетное место. Целые горы Урала предназначены к сносу и превращению в звонкий металл. Так стоит на краю своей гибели гора Магнитная — громадина из магнитного железняка и тонких прослоек породы. Так выкачиваются первые тонны уральской нефти. Так прорываются гигантские жерла калийных копей. Так кизеловский уголь вагон за вагоном сгорает в топках уральских металлургических заводов. Так дышит Урал.

Наши карты скучны и безрадостны. Мы не умеем преподавать географию. Я хотел бы, чтобы Урал расцвел на наших географических картах своими естественными красками. По зеленой расцветке лесов пройдут желтые воды реки Ис, и платина ляжет на берегах темной и блестящей тяжестью. Огненные реки чугуна и железа, расплавленного и легкого в движении, растекутся по лощинам Северного Урала. Медь и золото засверкают рядом с залежами драгоценных камней. И все это будет пылать и цвести на белых полотнищах карт.

Одна такая карта есть. Это карта пятилетнего плана развития уральского хозяйства. И на ней черным знаком железа отмечен Чусовской металлургический завод.

Пряным запахом угля пропахла небольшая долина, окруженная известковыми скалами. В порядочном беспорядке разбросаны маленькие домики рабочих. Они кажутся игрушечными. В центре города, — ибо это заводской город, где почти все жители работали, работают, будут работать на заводе, — в центре этого города грохочет своими железными костями и суставами Завод с большой буквы! С большой потому, что он дает жизнь и работу, силу и ловкость всем окружающим его. Таков Чусовской завод сверху, с горы. На горы идут туристы и гуляющие смотреть на него.

* * *

Чусовской завод вырабатывает полуфабрикаты. Его цеха питаются углем и железом. Пройдем по ним.

Домна.

— Ванька! — голос звонко гудит в пустом и полутемном цеху, — айда на дробилку!..

— Сичас... — несется с другого конца цеха...

Времени без десяти шесть, и люди напряжены ожиданием. В шесть заводской гудок рвет напряженную тишину, и люди пускают машины. Четырехтонные тележки с рудой подымаются на лифтах в дробилку, и машина с ревом грызет камни железняка. Она ржет, как застоявшаяся лошадь, и порода ползет по желобам в тележки.

Отрывочными движениями мускулов громады вагонеток движутся к трем домнам, исполинскими цилиндрами вздымающимся над землей. Вагонетки с рудой и углем вздымаются на высоту, и лифты звенят и жалуются. Домна горит день и ночь, месяц и год, она горит всю жизнь, и остановка ее равносильна потере драгоценного для завода цеха. Ибо домна дает начало металлу.

Гудит гонг, и лифт приходит в движение. Бурая пена пламени вздымается над открытой домной. Люди, похожие на демонов в дыму и огне, катят тележки к открытому жерлу, и кран опрокидывает новую порцию смеси.

Люди задыхаются в непереносимой жаре, и кроваво-красные блики пламени отражаются на вздутых мускулах голых рук. Новые и новые тележки угля и железа берет домна, и пламенными вздохами гудит открытая домна.

Внизу в застекленное окошечко смотрит мастер, и непроницаемое стекло говорит с ним. Внизу люди с тяжелыми ломами по знаку мастера разбивают залитое огнеупорной глиной отверстие — сосок домны, и тяжелая жидкость ползет по специальным лежанкам в мартен. Это рождается чугун.

Люди прыгают через огненные реки металла, и кран мартена подает «ковш», вбирающий десятки тонн чугуна. Чугун ползет из домны, и упорные люди направляют его. Они извиваются в пламени. Труд их тяжел и опасен.

Мартен.

Продолговатый двухэтажный цех идет сразу за домнами. В нем так же пылают печи, так же быстры люди, но металл домны — чугун — здесь проходит вторую стадию жизни. Чугун подымается в «ковше» на второй этаж, и открытые печи принимают раскаленный груз. Чугун снова кипит в печах бельгийца-мартена, углекислота выгорает в нем. Когда открывается дверь печи, из нее брызжет яростная и колдовская красота жидкого железа. Рабочие стоят на своих постах, инженер не найдет бездельника. Ибо расплавленный металл требует сугубой дисциплины, и она рождается в борьбе с ним.

Четырехугольные пустоты изложниц — форм — лежат правильными звездами и ждут металла. Степан Кореньков — старый рабочий и мой друг — сгибает твердую шею и поправляет места изложниц. И снова ползет ковш, но уже с железом. Ковш колеблется в воздухе, и рабочие клонятся перед ним. Степан стоит у своей звезды изложниц, и ковш нерешительно качается перед ним. Звенит затвор, и жестокая огненная лава, покорная Степану, свистя, стекает в дуло изложниц. Искры звенят и трещат в воздухе — такого фейерверка, как изливка металла, я нигде не видал. Дьявольский их танец угрожает Степану. Степан уклоняется, но звезда медленно наполняется по закону сообщающихся сосудов и снова звенит затвор. Ковш плывет в голубоватом и угарном воздухе дальше, и наполненные изложницы остывают за ним.

— Ну, как? — говорю я Степану.

— Ничего... — отвечает он, и на этом кончается разговор, потому что новая звезда изложниц наполняется металлом и нет времени для разговоров. Минуты ползут, как змеи, в грохоте твердого и свисте жидкого металла. Так горит мартен.

Теми работы ни на минуту не замедляется. Завод горит энергией социалистического соревнования. Он соревнуется с Лысьевой. Цеха соревнуются друг с другом. Смены и бригады соревнуются между собою. Здесь идет упорная борьба за снижение прогулов и снижение цен. Десять копеек, снятых с 16 кг. железа, снимаются с эмалированной посуды Лысьвенского завода, и наши чайники приносят нам долю социалистического соревнования. Металл ползет в изложницы с быстротой, невиданной в те времена, когда заводом владела французская анонимная компания. Вот почему Степан не может говорить со мной. Вот почему Степан бежит по цеху, и я не могу догнать его.

Прокатка.

Огонь царствует на металлургическом заводе. Он мягчит и плавит железо. И потому прокатный цех также пылает огнями печей, электричеством и заревом раскаленного металла.

Мои друзья-рабочие бросают разговоры о нормах и зарплате. Гудок рвет воздух над нами, и прокатные валы неуклюже ворочаются, как допотопные животные. Нервно болванки мартена, 200-килограммовые слитки, снова раскаленные, ползут из печей и идут на колесах «лопат» к стану. Там кричат люди, гремят валы, — и вот длинная и тонкая змея ползет под пресс. Разрезанная на 7-килограммовые куски болванка снова идет в печь, откуда она со свистом летит в вальцевальный стан, бросаемая смуглым рабочим с небольшими щипцами. Руки рабочего сгорели в жаре печи и кожа шелушится, но щипцы неутомимо выхватывают все новые и новые куски, а лента железа ползет из станов. Она круглится по плитам пола, как змея. Она достигает грандиозной длины, и оттаска — вихрастые ученики — скользят по полу, во весь дух неся ее тонкое и нежное тело. Так делается проволока, обручное железо и много других сортов.

В среднесортном цеху это гораздо внушительней. Там все болванки доходят до 300 килогр., и он изготовляет знаменитый полуфабрикат для Лысьвенского завода. Там лента железа ползет удавом, и механизированная оттаска-цепь ведет ее под пресс. И 5 человек черных людей в железных рукавицах мощно двигают его гибкое тело. Хвост ленты в 300 кг. горит ярчайшими блесками раскаленного металла, и люди режут ее тело на 762-сантиметровые планки.

— Яков Матвеевич, — говорю я худому, как гвоздь, резчику, — сколько времени может проработать здесь непривычный человек?

— Два-три часа! — отвечает он. — Но у нас был случай, когда новичок проработал полную смену без перерыва. Мы гнали двойную норму в тот день, и он два дня после этого гулял...

Яков Матвеевич — уполномоченный по подписке. Он ходит во время перерыва по теплушкам и рекламирует газеты. И, прочитав этот очерк, он заставит рабочих подписаться на газету. Он любит завод как сына, и слово о его заводе для него священно.

Василий Хромов сидит в теплушке и фантазирует вслух. Он — бывший пекарь и попал сюда в голодные годы. Десятый год он во время отдыха в теплушке фантазирует перед одним и тем же составом слушателей. Только молодежь, пришедшая недавно, слушает его. Он рыж и тощ, как астраханская сельдь, и губы его обветрены.

— Уйду я из этого пекла... — говорит он и вздыхает. — Уйду! Пойду в кондитерскую. Вот работа! Никто тебя не сожжет, не обругает... А здесь что? Как замешкался, так ругаться. Уйду! — он немного молчит и начинает сначала: — Уйду! Опостылел мне этот завод... А то буду торговать мороженым. Выйду к заводу же и скажу: «Кушайте, ребята, мое мороженое, чай, от жару головы кружатся...»

Его прерывает раскатистый хохот. Юркий парень Кондратьев представляет, как Василий торгует мороженым. Васька сам усмехается и говорит:

— Пойдем, што ли, робя, чай, железо-то инеем покрылось... И первый уходит.

Опять по цеху кружат огненные ремни болванок, звенит натянутый до треска окрик: «берегись», а тележки с раскаленным металлом летят по гремящему полу. Резчики снова на местах, и Василий Фролов стоит впереди, подавая 300-килограммовое тело. Он стоит до следующего перерыва, чтобы снова поговорить...

Я выхожу из прокатки. Надо мной черное от дыма и ночи небо. Кругом горят, говорят и громыхают цеха. Слышен шелест привода и скрежет резцов. Котельный тарахтит воздушными молотками. Там спешная работа по клепке цистерн для уральской нефти. Пароход шипит выпускаемым отработанным паром, и тишина

поражена в самое сердце жизни завода. Я ухожу из квартиры рабочих. Соревнующиеся рабочие остаются здесь, выгоняя новые тонны металла сверх норм и выкладок статбюро. Смена перегоняет другую смену, и грязные от дыма и копоти, перед тем как улыбнуться, рабочие идут к доске, где мел мастера расползся в каракулях. Они должны гордиться своей цифрой, но другие должны перегнать.

* * *

Завод растет во всех отношениях. Территория, занимаемая его строениями, увеличивается. Жилища рабочих, новые цеха, увеличение старых — все это требует места. И город Чусовая растет. Рабочие дома строятся во всех кварталах, и завод окружен криками каменщиков, стуком топоров и гомоном поденных рабочих.

Мишка Коростелов смотрит на меня испытующими глазами и говорит:

— Смотри!..

Я смотрю. Я тщательно смотрю на чистую комнату буфета. Я смотрю на красный уголок, где за шахматами режутся двое моих знакомых. Я заглядываю в уборную, где в писсуарах лежат кусочки камфары, и в прачечную, где две женщины стирают белье. Я смотрю всюду и говорю:

— Да!..

Мишка ведет меня в комнаты бывших хулиганов, и на меня машут белыми крыльями занавески с окон, и чистые простыни умильно блестят под электричеством. Я ищу на полу хотя бы один окурок, чтобы придраться к Мишке, и не нахожу. Мишка отчаянно доволен. Он машет перед моим носом кулаком и кричит:

— Видал наших?!

Я соглашаюсь с ним. Я видел н а ш и х!

Однажды вечером я зашел к старому рабочему прокатки Фролову. Он сидел в носках за столом и пил черный чай. Он смотрел на «Звезду» — пермскую газету — и проносил стакан мимо рта. Я сел рядом с ним и слушал, как его жена сетовала:

— Старик от рук отбился... Нет, чтобы дров бы наколоть. Сидит, как сыч, за газетой...

А Фролов отмахивался головой от надоевшей песни и читал. Он читал статью о «пятилетнем плане развития хозяйства Урала» и часто приговаривал одно слово: «добре, добре!..»

Это неудивительно само по себе, но становится удивительным, когда я вспоминаю, что знал Фролова еще год назад как пьяницу, как бузотера и рвача! Тогда он не читал газет и бузил на собраниях... Он выступал против соревнования, и его выбрали для заключения договора. Он поехал в Лысьву, в Пермь и вернулся таким, каким я вижу его теперь.

П. Вязьменский «Домны»

Я иду на гору, где стоит дом-коммуна для холостых рабочих. Я хочу подробней описать их быт. Не даром я два года регулярно навещал его, этот дом. Ибо молодежи много на заводе.

В доме живут в большинстве комсомольцы. Два года тому назад они жили как монахи. Как аскеты. Кусок хлеба и кружка воды — такова была их повседневная пища. Затем некоторые комсомольцы занялись улучшением быта.

Заработок, полученный молодежью, пропивался в первые три дня; некоторое количество денег шло на галстуки и шоколад. Остальные 27 дней сосредоточенно голодали. Голые стены комнат плыли в клубах табачного дыма, и ребята бегали по комнате за иголкой, ниткой, махоркой на папироску и гривенником...

Но грязь в быту еще имеет своих друзей. Я был в десятках квартир и видел, как полуголые рабочие из молодежи зашивали свои штаны, прежде чем итти на работу. Я видел, как комсомолец писал «чеки» шинкарке на 25 руб. за выпитую брагу и вино. Я видел, как ноги молодой девчонки по щиколотку утопали в сору и как эта девушка с подведенными глазами и с раскрашенными губами, в новом платье, надетом на грязное белье, шла в клуб на американскую фильму. Я видел это, но на ряду с грязью я видел, как организуются «бытовые комиссии» из молодежи, как даются выговоры комсомольцам, не понимающим важности культурной революции в пятилетке.

Прокатка гудит и грохочет сталью валов и свистом раскаленного железа. В мартене пылают печи и, когда домны открываются, пламя их вылетает как из вулкана, — глазам больно смотреть на их сигналы.

Огонь домн видно за десятки километров, он торжествует над заводом.

Фролов бросил газету и рассуждает со мной о заводе и его делах. Он с гордостью повторяет, что процент прогулов дошел до 2,3 с 12 и что молодежь даст сто очков вперед старикам. Я убежден, что ему она не даст 100 очков, молчу и смотрю на жену, которая ворчит только по привычке, а сама радостно смотрит на старика, вполне довольная им.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НЕДЕЛЯ

12-я годовщина Октября. — Конец парламентских каникул в Англии — Все грани стерлись. — Морская конференция. — Польское миротворчество. — Нанкинский набор лжи и клеветы.

Годовщина Октябрьской революции прошла под знаком под'ема революционных настроений в среде международного пролетариата. Помимо посылки делегаций, в частности из Германии, Англии и Франции (из последней — делегация работниц), европейский революционный пролетариат искал новых способов увязки своей борьбы с борьбой рабочего класса в СССР. Такой формой в частности явилось социалистическое соревнование между рабочими отдельных предприятий за границей и у нас. Так, например об'явлено соревнование между рабочими ленинградского «Треугольника» и рабочими германского химического завода в Лейне, и между харьковскими рабочими «Тэт» и германскими рабочими фирмы Сименс. Это соревнование является дополнительным толчком для усиления революционной работы германского пролетариата. Интересно, что и отдельные организации германской компартии об'явили между собою соревнование. Так, рурская и нижнерейнская организация соревнуются по числу организованных новых ячеек, завербованных новых членов партии и т. п. Двенадцатая октябрьская годовщина является новой вехой в подготовке международного пролетариата к решающим боям.

* * *

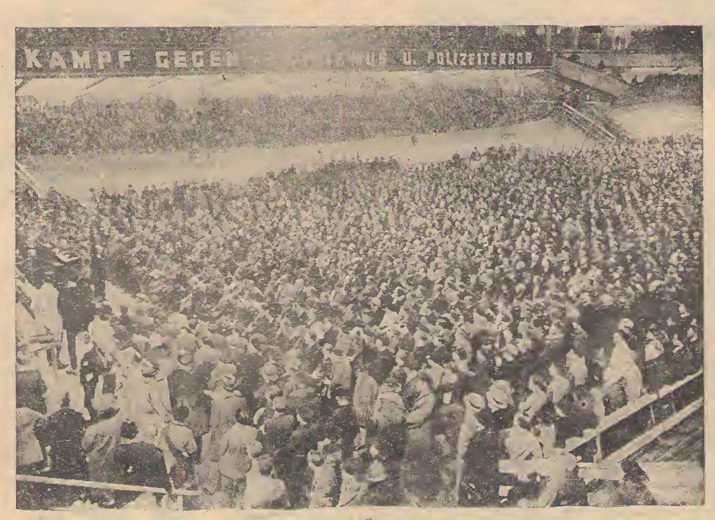
С открытием новой парламентской сессии в Англии начинается сезон оживленной внутриполитической борьбы. Консерваторы уже избрали себе линию нападения и намерены потребовать специальных дебатов по вопросу об англо-советском протоколе и борьбе с безработицей. В связи с этим последним вопросом они, быть может, предложат вотум недоверия правительству. С другой стороны, либералы, от которых зависит результат голосования, не хотят новых выборов и заявляют, что они не примут участия в преждевременной попытке свергнуть правительство. Последнему в области внутренней политики решительно нечем похвастаться, а что касается безработицы, то сам Томас, министр по борьбе с безработицей, вынужден был заявить в одной из своих публичных речей: «Старания вашего превосходного лорда хранителя печати (его официальный титул) привели к тому, что число безработных неуклонно повышается». Положение правительства более чем затруднительно и в вопросе об угольной промышленности, в котором оно тщетно пытается лавировать между своими собственными предвыборными обещаниями (ввести семичасовой рабочий день), на которых настаивают рабочие массы, и сопротивлением шахтовладельцев, которым они по существу служат. Нет оснований полагать, что правительство Макдональда скоро падет, но ему несомненно предстоят тяжелые испытания.

* * *

Впрочем, в английской политической жизни господствует порядочная неразбериха. Болдуин справедливо обвиняет Макдональда в том, что последний обокрал его программу и продолжает его политику. Другой консерватор идет дальше и указывает, что лейбористы не хуже твердолобых подслуживаются возрождающемуся в Англии красному патриотизму. Зато правительству достается от рядовых членов его собственной партии и даже от профсоюзных бюрократов, которые вынуждены хотя бы на словах считаться с давлением со стороны рабочей массы. Что касается консерваторов, то они никак не могут изжить свой внутренний кризис и, по выражению одного французского корреспондента, напоминают больше толпу, чем партию. О либералах и говорить нечего: у них уже много лет как неблагополучно.

Один из консервативных деятелей недавно изобразил положение так: политика— это ландшафт, в котором имеются горы и долины. На вершинах гор, где господствует чистота воздуха и принципов, жить нельзя и приходится спускаться вниз. Лейбористы давно покинули не только «хребет марксизма», но и «склоны соглашательства». И теперь находятся в болотистой долине. В этой же долине обретаются и консерваторы, а для либералов она является естественным обиталищем. Понятно, что все грани стерлись, и соперник Сноудена на выборах, консервативный депутат в его избирательном округе, может вдруг об'явить о своем переходе в рабочую партию, которая «доказала, что в состоянии образовать здоровое деловое правительство».

ПЯТЬ ЛЕТ КРАСНОЙ ПОМОЩИ.

Исполнилось пять лет существования германской «Красной Помощи». К юбилейному дню был приурочен 3-й всегерманский конгресс организации, состоявшийся в Берлине 13—14 октября.

Открытие конгресса было ознаменовано грандиозным митингом во Дворце Спорта, на который прибыли многочисленные делегаты рабочих Берлина и его окрестностей. Попытки национал-социалистов спровоцировать столкновение рабочих, собравшихся на митинг, с полицией потерпели неудачу.

Деловая часть конгресса открылась обширной речью председателя «Красной Помощи» Вильгельма Пика, охарактеризовавшего пятилетнюю деятельность организации. За эти годы было собрано 4 миллиона марок. Вся эта сумма целиком была использована на оказание помощи политзаключенным пролетариям. Затем тов. Пик остановился на методах работы «Красной Помощи» и на тех препятствиях, которые чинила ей классовая юстиция.

С протестом против запрета Союза Красных Фронтовиков выступил тов. Вилли Леон.

НА СНИМКЕ: митинг в Дворце Спорта

* * *

Англия и Америка заключили между собою, как известно, компромиссное соглашение о морских вооружениях. При свидании с Гувером Макдональд, по всей видимости, обсуждал вопрос о том, как бы это соглашение использовать против третьих стран. Результатом явилась рассылка приглашений на конференцию пяти морских держав, при чем в этих приглашениях от имени Англии и Америки прямо ставится вопрос об уничтожении подводного флота — главного морского орудия Японии, и особенно Франции и Италии.

В связи с этим, эти державы тоже готовятся к конференции. Япония ведет какие-то переговоры с англо-саксонскими странами, Италия предложила Франции договориться между собою. У них нет никаких точек соприкосновения по вопросу о морских вооружениях, они находятся друг с другом в непримиримом противоречии. Однако, обе эти стороны заинтересованы в противодействии временному англо-американскому блоку и соответственно в срыве работ будущей конференции. В качестве испытанного средства для того, чтобы привести ее к краху, континентальные державы намерены требовать, чтобы работы морской конференции были поставлены в зависимость от работ или точнее от безделья знаменитой подготовительной комиссии по разоружению Лиги Наций. Если это предложение будет принято, то похороны всех и всяческих позитивных решений морской конференции — обеспечены.

* * *

После некоторого смятения, вызванного некоторыми пинками со стороны «высоких покровителей», Польша вновь проявляет «инициативу» в своей внешней политике. Это отразилось в поездке министра иностранных дел Залесского в Бухарест, где традиционная польско-румынская дружба получила новое освещение. Само собой разумеется, что по этому поводу были устроены крупнейшие военные маневры румынской армии, находящейся в Бессарабии.

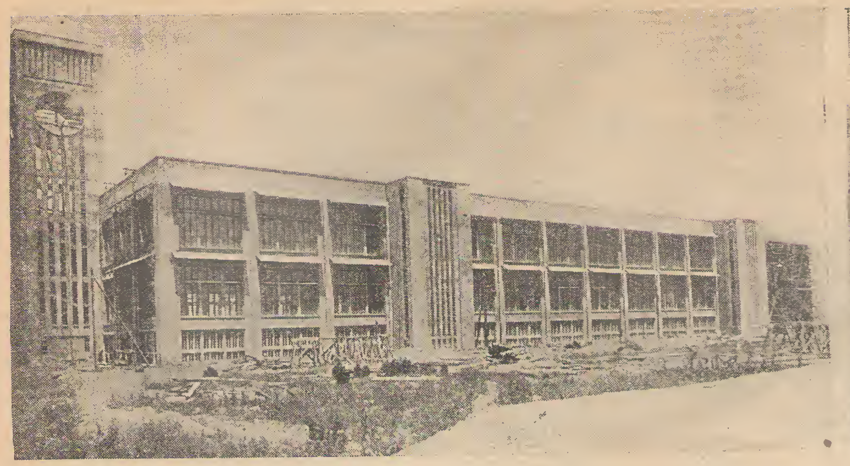
Но, чтобы эти маневры не оказались без «политической базы», польский и румынский министры иностранных дел обсуждали вопрос о формах привлечения к антисоветскому блоку Венгрии, и параллельно начались переговоры между Румынией и Болгарией на предмет облегчения «польского экспорта» через Болгарию и ввоза оружия в Польшу. Такова миротворческая работа Польши.

* * *

Нанкинское правительство выступило с новой антисоветской декларацией. Оно ухитрилось в ней побить свой собственный рекорд фантастических вымыслов и клеветы, ибо не только повторило все свои прежние выдумки о том, что КВЖД была захвачена, чтобы спасти ее от разрушения советским правительством, но и ухитрилось самым грубым образом извратить всю историю развития конфликта.

Суть дела в том, что нанкинскому правительству нужно как-то развязаться с его собственной выдумкой относительно будто бы ведущихся в Берлине переговоров. Не имея возможности отказаться от версии, оно вынуждено об'явить никогда не начинавшиеся переговоры прерванными, разумеется, по вине СССР. Мукден, для ушей которого главным образом и рассказывались сказки о берлинских переговорах, заведомо потерял к ним всякое доверие и по имеющимся сведениям собирается вступить с СССР в самостоятельные переговоры. Декларация Нанкина является отчаянной попыткой остановить мукденцев, напугав их непримиримостью СССР.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ТУРКМЕНИИ

В Ашхабаде закончена постройкой первая в Туркмении текстильная фабрика им. Ф. Э. Дзержинского

НОВАЯ ТОРФЯНАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

В 12-ю годовщину Октября состоится торжественный пуск новой электростанции «Красный Октябрь» (Уткина Заводь). Мощность новой станции при полной нагрузке 130.000 киловатт.

НА СНИМКЕ: разгрузка торфа на территории станции

ЖЕНСКИЙ КОНГРЕСС

19 октября в Берлине открылся конгресс трудящихся женщин Германии. НА СНИМКЕ: общий вид зала заседания

ЗВЕРСТВА КИТАЙСКИХ БЕЛОБАНДИТОВ

Китайские генералы и белобандиты не прекращают зверских убийств и насилий над мирными и беззащитными советскими гражданами.

НА СНИМКЕ: трупы молодых рабочих — советских граждан, замученных китайскими насильниками у реки Сунгари, недалеко от Сумбейского лагеря

НОВЫЙ ЛАТВИЙСКИЙ ПОСЛАННИК

В четверг 24 октября чрезвычайный посланник и полномочный министр г. Сескис вручил свои верительные грамоты председателю ЦИК СССР тов. М. И. Калинину.

НА СНИМКЕ (слева направо): г. Сескис, М. И. Калинин и М. М. Литвинов

И. Шестопалов — Пушкин и няня в с. Михайловском

ПУШКИН И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. В. Луначарский

В 1930 г. „Красная Нива“ дает своим подписчикам полное собрание сочинений Пушкина. Редакция намерена поместить на страницах „Красной Нивы“ ряд статей о жизни и творчестве Пушкина и о его значении для нашего времени. Печатаемая ниже первая статья А. В. Луначарского, одного из редакторов полного собрания сочинений Пушкина, вводит читателя в курс марксистского понимания литературного наследия Пушкина.

ПУШКИН занимает до сих пор господствующее место в нашей литературе. Уже при жизни он был почти единогласно провозглашен корифеем русской литературы. Оценка Пушкина, правда, несколько колебалась в последующие эпохи; но даже те критики, которые, отражая глубокие перемены в социальном бытии и в политических и культурных настроениях страны, начинала критически относиться к Пушкину, признавая в то же время, что в области чисто эстетических ценностей, как художник, он остается непревзойденным, и переоценка шла не столько по линии места Пушкина в искусстве, сколько по линии критики самого искусства,—места и назначения всего этого явления в человеческов обществе. Непревзойденная красота формы, разнообразие, глубина содержания пушкинских произведений позволяли его наследию, как светилу небесному, выходить вновь и вновь из-за облаков и даже грозных туч, которые прикрывали его сияние, снова и снова занимая на нашем художественном небосклоне свое яркое и несравнимое место.

Не так редко раздавались голоса, что Пушкин, конечно, великий мастер слова, но в отношении миросозерцания, например, как поэт-философ, он должен быть поставлен неизмеримо ниже великих поэтов других народов—Шекспира и Байрона, Шиллера и Гете. Но миф о Пушкине—чистом эстете, забавлявшем себя и других «звуками сладкими», постепенно устранялся. Становилось ясно, что в Пушкине мы имеем поэта огромной силы мысли и огромной глубины чувства, не уступающего в этом отношении величайшим среди великих.

Наше время есть время грандиозной
реоценки наследия. Мы вступаем в сов
шенно новую полосу жизни нашей стра
даже жизни всего человеческого общест
Мы знаем твердо, что нам необходимо о
реться на завоевания прошлого поколен
хотя бы и классово нам чуждого. Мы
нюдь не проповедники отрыва от всего с
рого, — такие «футуристические» тенден
встречают со стороны коммунистичес
мысли жесткий отпор. Однако, мы, с д
гой стороны, отнюдь не склонны станови
ся на колени перед ценностями прошлого
мы убеждены, что будущее будет более б
стящим, чем было прошлое, мы убежде
что идем к культурному под'ему, котор
главу свою возвысит над всеми вершина
культурного творчества, какие только з
ли народы в прошлом. Мы знаем, что
достижения этих вершин нам нужно с

бодно, отбросив всякий пиетет перед авторитетами, критически переоценить сокровищницу человечества, в частности народов нашей страны, и взять оттуда лишь то и лишь так, что действительно нужно нам в нашем поступательном ходе.

Так же отнеслось, конечно, наше время и к Пушкину.

Интересно отметить, что Ленин относился к Пушкину с нежной и почти восторженной любовью. Уж Ленин-то, конечно, лучше других сознавал все то чуждое нам, что рождено в Пушкине его классовой принадлежностью и его эпохой, но это нисколько не смущало его и не заслоняло для него тех великих ценностей языка, музыки, пластической образности, живого чувства и напряженной мысли, которыми богаты произведения Пушкина.

Несмотря на то, что наше марксистское литературоведение еще молодо, — и в частности в области пушкиноведения марксистами сделано пока крайне мало, — мы можем уже сказать, что время наше принесло значительные раз'яснения человеческой и писательской фигуры Пушкина. Замолкают постепенно поверхностные голоса об исконном эллинизме Пушкина, о его солнечной уравновешенности, счастливой, беспечной натуре и т. д. Это был тот официальный взгляд на Пушкина, который устанавливался официальной, даже не буржуазной, а находившейся на «царском жаловапьи» якобы наукой, которой нужно было сделать из Пушкина школьного поэта для детей и подростков, выхолощенного учителя русского языка и официальное украшение фронтона казенной России.

Мы теперь знаем, что и сами эллины были людьми большой трагедии, скорбного жизнесознания, ужаса перед роком.

Тем более видим мы теперь в Пушкине черты сумеречные, даже болезненные, и для нас нисколько не кажется неожиданным его раздирающий крик: «Не дай мне бог сойти с ума!»

Солнечность Пушкина уже с ранней молодости искажалась и затемнялась жизненными невзгодами и правительственными гонениями. К концу же своей жизни он был буквально затравлен. Он боялся своих собственных мыслей, он внутренне затаптывал многое в себе—и именно то, что казалось ему опасным, родственным «безумию», которое ввергло бы его в пагубный конфликт «ничтожной» личности с сокрушительной стихийной силой «медного» самодержавия. С петлей долгов на шее, с бесконечными неприятностями литературного, светского и общественного характера, с внутренней неудовлетворенностью собой и своим творчеством, под тяжкой десницей самодержавия, которая, «лаская поэта», царапала до крови его чувство собственного достоинства и его творческие порывы, Пушкин, споткнувшись на одном из бесчисленных скандалов, которыми его враги без труда усеивали его путь, в бессильной злобе рванулся против терзавшей его своры и был ею физически уничтожен.

В официальной литературной истории принято противопоставлять светлому Пушкину мрачного Лермонтова. Нет ничего ошибочнее такого противопоставления. Когда мы ближе знакомимся с физиономиями обоих поэтов, нас поражает необычайная родственность даже их натур, не говоря уже об их судьбах. Мы знаем теперь, что это об'ясняется чрезвычайно сходным социальным положением обоих поэтов. Пушкин тоже был представителем среднего дворянства, относившегося с завистью и злобой к пустой и чванной знати крупнейших землевладельцев и верхушек бюрократии. Он уже был окружен тем самым поколением, на которое можно было смотреть только «печально». Пушкин тоже говорил о той болезни века, которой страдал и от которой мощно старался отделаться его великий продолжатель. Мы знаем теперь, что сама солнечность Пушкина, которая в нем, конечно, жила как в богато одаренной, тянувшейся к счастью и способной быть счастливой натуре, была в значительной степени стремлением утешить себя, уйти от своих мучительных впечатлений. Жажда избегнуть прямого конфликта с николаевским режимом, жажда как-то оправдать себя в этом самом примирительном отношении к кошмарному самодержавию, жажда забыться на каких-то более отвлеченных спокойных образах, чувствах и мыслях постоянно живет в Пушкине, но она, порождая подчас, — в какие-нибудь тихие, величественные минуты, — спокойные и мудрые размышления, в общем и целом лежит тяжестью на сознании Пушкина и сказывается почти в каждом его творческом акте, часто искажая его. Мы теперь прекрасно понимаем, что мнимое гармоничное творчество Пушкина насквозь трагично, совершенно так же, как творчество Лермонтова, Гоголя (которого тоже хотели выдать за весельчака), Достоевского и других.

Понять Пушкина-писателя до дна можно, только осознав его как общественное явление и применив к этому осознанию марксистский метод. Только марксизм способен открыть истинную сущность судеб страны через изучение эволюции и распада отдельных классов, и только знание этой общей картины экономической и классово-общественной эволюции страны и отражения этих процессов в литературе может дать ключ к пониманию эволюции литературы и места в ней Пушкина как в целом, так, не преувеличивая, — в каждом отдельном стихотворении, почти в каждой отдельной строчке его произведений.

Мы должны вникнуть в классовые противоречия эпохи Пушкина, в своеобразную комбинацию экономических условий, понять расстановку классовых сил эпохи и место в ней Пушкина, который между прочим был остро сознателен и щедр на высказывания социологического порядка. Выразитель определенной группы дворянства и передвижения ее в ряды буржуазии, Пушкин может быть понят только при условии раскрытия социального смысла его произведений и общественного осмысления огромного эстетического наслаждения, ими доставляемого. Из этого вовсе не следует, что задача нашей эпохи, нашего поколения—чисто научная и социально-аналитическая по отношению к художественным произведениям прошлого. Мы вовсе не говорим, что прежние поколения имели привилегию любоваться розами, а наше дело — классифицировать их, сушить и раскладывать по гербариям. Осознание Пушкина нужно нам как раз для более целесообразного усвоения до сих пор живых даров его, которые могут и должны стать важной составной частью дальнейшего нашего строительства, не только литературного, но вообще всего социалистического строительства, вплоть до преобразования быта. Пушкин может и должен быть, в результате критического усвоения его творчества, нашим современником и сотрудником. Только такое усвоение обезвреживает его отрицательные черты, не дает им в наших глазах портить его облик и воскрешает его для плодотворной жизни среди нас.

Вот эти-то цели и должно преследовать, в пределах возможного на данной стадии развития нашей мысли, издание сочинений Пушкина, снабженное марксистскими предисловиями и богатыми комментариями, раз'ясняющими текст так, чтобы он, с одной стороны, был понятен свежему и еще неискушенному читателю и принимался в связи с явлениями эпохи, породившими самого Пушкина, в связи, с другой стороны, с задачами нашего времени, в связь с которыми должен отныне войти бессмертный гений Пушкина.

«Красная Нива» решила дать в качестве приложения своим подписчикам это издание Пушкина в виде 12 выпусков (6 томов). Мы уверены, что круг читателей нашего журнала с удовлетворением примет такое решение Государственного издательства и редакции и поможет нам своими указаниями, — после появления первого же выпуска и даже первого обстоятельного проспекта, — выполнить эту нашу задачу как можно лучше.

Мы, конечно, сознаем, что последующие годы или десятилетия завершатся работой осознания Пушкина с большей зрелостью марксистской мысли, с большим количеством фактов в руках, с большим количеством испытанных и безукоризненных литературоведческих марксистских работников. Но, сознавая, что в настоящее время выполнить эту задачу с окончательным и предельным успехом нельзя, мы никоим образом, конечно, не должны ждать каких-то более счастливых времен, ибо, по нашему мнению, положить подлинное начало такому массовому усвоению Пушкина современными нам строителями социализма надо безотлагательно.

А. С. Пушкин — с акварели П. Соколова

ЗАПИСКИ Д'АРШИАКА

Петербургская хроника 1836 года

ЛЕОНИД ГРОССМАН

(Продолжение [1])

XV

ФРАНЦУЗСКИМ посольством было получено траурное приглашение на отпевание камер-юнкера двора его императорского величества Александра Пушкина.

На небольшом совещании у посла было решено, что наше посольство должно особенно отметить свое почтение к покойному и участие к утрате, понесенной его семьей и всей Россией. Противник Пушкина был француз, секундант его убийцы—служащий французского посольства.

Общество было этим крайне возбуждено и со всех сторон раздавались доходящие до нас возмущенные толки о недопустимости гибели первой национальной славы от руки заезжего пноземца.

Необходимо было всячески загладить это впечатление в сознании двора и города. С общего согласия было решено, что мое присутствие на отпевании было бы неудобным, но что сам Барант, в сопровождении своей семьи и обоих секретарей, будет присутствовать на всех официальных мессах и примет участие в похоронной процессии, проводя тело поэта до самой могилы. Лично высоко ценивший покойного, Барант был искренне огорчен смертью Пушкина и решил написать соответственное письмо от своего имени вдове поэта.

План этот не удалось осуществить полностью. Когда утром 1 февраля карета посла под'ехала к адмиралтейской церкви, где было назначено отпевание, она оказалась запертой. С трудом удалось выяснить, что тело было перенесено ночью в другую церковь—Конюшенную, с целью ослабить стечение народа к моменту отпевания. И все же карете Баранта пришлось проезжать через сплошную толпу народа, запрудившую площадь перед церковью Конюшенного ведомства.

Вот что рассказали мне все наши, присутствовавшие на отпевании.

Красный бархат гроба выделял восковую бледность лица, истощенного предсмертными страданиями, но принявшего после смерти выражение глубокого и мирного сна. Высокий лоб, казалось, светился изнутри в желтоватом озарении свеч, а пряди волос, упавшие назад, словно были смочены каплями мученического пота. Бескровные руки с голубоватыми ногтями воздушно и легко лежали на груди, готовые для отдыха после свершенного ими великого труда. Всеми своими очертаниями это мертвое тело, казалось, жаждало одного: покоя... покоя!

Отпевание протекало в торжественной обстановке. Государь, которого многие, особенно из иностранцев, ожидали увидеть у гроба великого поэта, отсутствовал. Всеобщее внимание обратило на себя появление Уварова. Говорили, что министр появлением у гроба хотел скрыть свою вражду к покойному за оду к Лукуллу и участием в похоронах маскировать секретные циркуляры, запрещавшие студентам и профессорам отпевать поэта, а газетам и журналам —помещать хвалебные некрологи о нем.

Зато Европа была представлена широко. Почти весь дипломатический корпус Петербурга присутствовал на отпевании. У гроба стали послы, близко знавшие Пушкина: Фикельмон в парадной форме при всех орденах с семьей и свитой, саксонский посланник Лютцероде, баварский фон-Лерхенфельд, поверенный Швеции и Норвегии де-Нордин, французское посольство почти в полном составе. Вслед за Барантом встали Бутера, Блом, Гогенлоэ-Кирхберг, Симонетти и ряд представителей других миссий. Таким образом итальянские и голландские княжества, Франция, Австрия и Скандинавский полуостров были представлены у гроба русского поэта. Лорд Дерам незадолго перед тем выехал за границу. Из всего дипломатического корпуса один только прусский посол Либерман отказался явиться к телу «республиканца» Пушкина. Само собою разумеется, что голландское посольство не было приглашено.

— По моему основному ремеслу летописца,— рассказывал вечером Барант,— я привык различать в суете текущих событий отзвуки проходящей истории. И, стоя сегодня в этой пасмурной церкви, почти прикасаясь к этому темно-красному бархатному гробу с восковой, истощенной предсмертными страданиями головой поэта, я словно чувствовал всю торжественность этой великой, горестной и незабываемой минуты. Кто знал Пушкина, тот, конечно, понимал, что в истории России, столь еще скудной великими художественными дарованиями, происходит трагическое событие неизмеримого значения. Аустерлиц и Бородино, быть может, бледнеют перед этой утратой носителя творческой культуры в бедной, суровой и несчастной стране...

— Ваше чувство так выражалось на вашем лице,— заметил наш секретарь,— что кто-то стоявший рядом со мной почти шопотом сказал своему соседу, указывая на официальный холод генералов и вельмож: кажется, единственный русский во всем этом — Барант.

— Нет,— возразил посол,— я чувствовал общую глубокую и искреннюю скорбь на этом отпевании. Пушкин имел друзей. Тяжело было смотреть на Жуковского, Вяземского или на этого старого баснописца, который весь в слезах последним простился с телом поэта...

Барант задумался, как бы припоминая какое-то горестное и важное впечатление. Затем он медленно произнес:

— Как прав Чаадаев!.. Я это особенно почувствовал именно сегодня в этой своеобразной обстановке отпевания. В русской церкви стирается весь облик современности. Из европейского Петербурга вы неощутимо переноситесь в древность. Строгие лики византийских богородиц и угрюмые взгляды греко-славянских святителей в обрамлении золотых надписей на почерневшем поле изображений — все это переносит вас в эпоху Иоанна Грозного или даже татарского ига. Вы погружаетесь в недра русской истории и под заунывные напевы этих длинноволосых и бородатых жрецов, похожих на мужиков в архангеловых одеждах, вы неожиданно улавливаете какую-то великую горечь и неизбывную суровость этой истории, всю ее тоску и нечеловеческие муки. Когда густой фимиам заслонял от меня на мгновенье мундиры, плащи и дамские токи, когда я закрывал глаза, вслушиваясь в печальные жалобы невидимого хора, я начинал ощущать весь дух и смысл того тысячелетнего бедствия, которое придворные ученые называют здесь историей государства Российского. Мне казалось, что у нас, в Европе, такие катастрофы невозможны. Ведь мы сумели сберечь Расина и Гете... Неужели же русский император не имел возможности спасти Пушкина, когда весь город на всех перекрестках вот уже несколько месяцев не перестает кричать о его семейной драме и копаться в интимнейших тайнах его личной жизни?

Я осведомился у барона о жене поэта.

— Тяжело и больно было смотреть на эту молодую женщину. Красота ее, всегда несколько бесстрастная и все же вызывавшая к себе неизменное чувство сострадания и нежного участия, получила теперь глубокий отпечаток трагического. Эта царица балов с рассеянным взглядом и безразличной улыбкой была впервые очеловечена страданьем. На фоне темных икон, среди бесчисленных восковых свечей и мерцаний церковного убранства эта измученная строгая голова глубоко волновала и трогала. Черный убор, спадающий на этот лучезарный лоб, словно выделял его ничем не омрачаемую чистоту. Страдальческий облик юной женщины весь омоченный слезами, казался живым воплощением безмерной человеческой скорби. Странно было видеть это праздничное и светлое лицо в таком глубоком трауре и невозможно было не преклониться перед этой печалью надгробного изваяния...

* * *

Когда вечером этого дня мы собрались у саксонского посланника Лютцероде, писателя, переводчика и собирателя народных песен, он обвел нас грустным взглядом и тихо сказал:

— Друзья мои, я решил отменить назначенный бал и посвятить наш вечер беседе. Вы верно согласитесь со мной что танцовать сегодня нельзя: мы только-что похоронили Пушкина.

ИЗ КАМЕРФУРЬЕРСКОГО ЖУРНАЛА

«1 февраля.

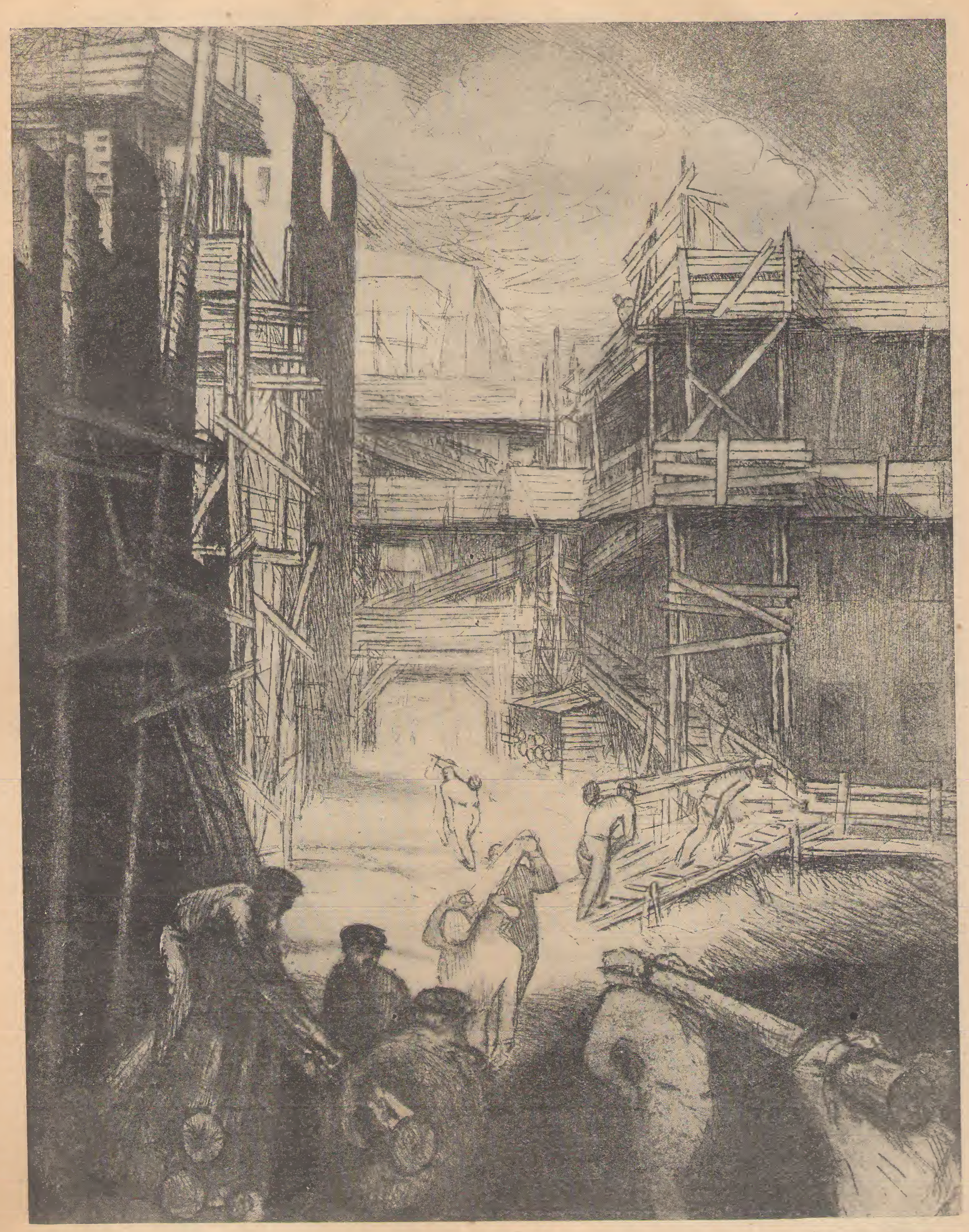
25 минут 8-го часа их императорские величества с их императорскими высочествами из золотой гостиной комнаты выход имели в концертный зал в собрание, где и присутствовали при представлении французскими актерами двух пиес «Le temoin», водевиль в одном акте Скриба и Мэльвиля и «M-r Clement Rossignol», водевиль в одном акте Дювера и Детели».

XVI

На другой день я оставлял Петербург. Друзья Пушкина — Вяземский, Александр Тургенев, Жуковский, Данзас — много беседовали со мной перед от'ездом. По просьбе Вяземского, я изложил ему в письме все обстоятельства дуэли

[1]) См. „Кр. Ниву“, №№ 28 — 44 с. г.

Современная гравюра

Офорт О. Кремера

Близкие к покойному не скрывали от меня, что петербургская знать не приняла никакого участия в народной скорби.

— Клевета продолжает терзать память Пушкина, как терзала при жизни его душу, — говорил мне Вяземский. — Несколько гостиных сделали из него предмет своих партийных интересов и споров. Для суждения о покойном они ничего не находят, кроме хулы..

— Знать ваша не знает славы русской, олицетворенной в Пушкине, — отвечал я.

— Вы правы, дорогой д'Аршнак, — заметил Тургенев, — иностранцы оказались выше наших аристократов. Вы жалеете о нашем Пушкине, как о своем соотечественнике.

— Пушкин, как гениальный поэт, принадлежит не одной только России, но всему человечеству.

Жуковский горячо пожал мне руку.

— Если бы его во-время отпустили в Европу, — произнес он со слезами на глазах, — его гений достиг бы небывалых размеров, и жизнь бы его была спасена...

А вокруг уже раздавались первые гневные голоса, призывавшие на суд убийц Пушкина.

По городу в бесчисленных списках распространялось стихотворение молодого поэта Лермонтова с эпиграфом на мотив из нашего Ротру:

Prince et père à la fois. vengez-moi, vengez vous![1])

Через три года автор этого гимна «На смерть поэта» имел дуэль на шпагах с сыном Баранта, а в следующем году он был наповал убит на пистолетном поединке.

Стихотворенье поразило нас. В нем было несколько сокрушительных строк по адресу убийцы. Д'Антес был резко заклеймен в нем именем пустого искателя успехов в презираемой им чужой стране, чью лучшую славу он не сумел пощадить.

— Это отдельное мнение, — упокаивала своего мужа Катрин, — мненье поэта, восхваляющего другого поэта, оно не должно огорчать тебя...

— Нет, это, кажется, становится мнением большинства в вашем обществе.

— Ты ведь знаешь отношение к тебе Нессельроде, дяди Григория...

— Но народ толпится у дома Пушкина, не умея разбираться в фактах, не желая отделять человека от таланта. Я для них — только иностранец, убивший их поэта...

— Но ведь ты не мог поступить иначе, ты действовал мужественно и героически!

— Я во всяком случае поступил как порядочный человек. Он сам хотел смерти и получил ее... Tu l'as voulu, Georges Dandin!

Д'Антес вообще не испытывал никакого сожаления или раскаянья. Он считал, что совершилось неизбежное — в смертельной борьбе он отстоял свою жизнь, все остальное отступало в тень.

— Жаль только, — прибавил он, — что я лишен возможности притянуть к барьеру сочинителя этих ругательных стихов...

Барон Геккерн был в некоторой тревоге. Смерть Пушкина избавляла его, правда, от необходимости лично рассчитываться с ним за полученное оскорбление, но в то же время осложняла его положенье в России и ставила под вопрос его дальнейшее пребывание в ней. Посланник прочел мне свои письма к Нессельроде и к своему министру — Верстолку, в которых он говорил о своих скромных средствах и необходимости сохранить свой пост «при императорском дворе».

— Вы подумайте, — прибавлял он с горестью, стоя среди своих коллекций, — что станется со всеми этими сокровищами, если мне придется второпях оставить Петербург? Ведь мне придется продать их за бесценок. Ведь это разоренье!..

И острым взглядом опытного дельца, определяющего в уме прибыль и убытки от движенья товаров, он оглядывал свою бронзу, фарфор,— эмаль и знаменитые фламандские полотна, отмеченные подписями великих мастеров: Яна ван-Скоорля и Гаверкорна ван-Рийсевика.

Последним из русских, простившихся со мною, был Александр Тургенев. Той же ночью, по приказу царя, он выезжал из Петербурга с гробом Пушкина для погребения его в далеком, глухом монастыре.

— Наше правительство помнит похороны генерала Ламарка, — об'яснил он мне, — оно опасается революционной демонстрации.

Я вспомнил знаменитое погребение вождя французской оппозиции, залившее кровью квартал Сен-Мартен.

— Я перевозил в моей жизни много драгоценного, — сказал мне не прощанье Тургенев, — инкунабулы и ватиканские рукописи, помпейскую бронзу и римские бюсты, др
ние вазы и медали. Думал ли я когда-нибудь, что мне п
дется перевозить тело величайшего русского поэта?

ИЗ КАМЕРФУРЬЕРСКОГО ЖУРНАЛА.

«2 февраля.

55 минут 8-го часа ее величество государыня импе
трица с их императорскими высочествами выход име
в золотую гостиную комнату в собрание, где по распо
жению балетмейстера Титюса начались репетиционн
танцы к маскараду.

Его величество выход имел в собрание во время у
начатия танцования.

Гости угощаемы были чаем, питьем и мороженым».

А пока великие княжны вместе с наследником росс
ской империи и принцем прусским Карлом под звуки кон
гвардейского оркестра выполняли сложные эволюции гав
по жезлу известного преемника Ле-Пика и Дидло легко
гого Титюса, — в подвале Конюшенной церкви под дерев
ную трескотню молотков служители спешно заколачива
узкий ящик с красным бархатным гробом.

Поэта Пушкина снаряжали в его последнее странстви

*
* *

...И вот снова крытый возок на полозьях мчит меня
глубокому снегу бесконечными сосновыми лесами, скв
безлюдные равнины древней Ингерманландии к бедн
поселкам Восточной Пруссии.

Петербург за мною. Тринадцать месяцев отделяют м
от того момента, когда чиновники столичной заставы с г
бокими поклонами перед знатными путешественниками п
пустили за полосатый шлагбаум посланника короля фр
цузов с его свитой.

Сколько лиц, сколько происшествий пронеслось за э
срок! С какой быстрой изменчивостью мчится жизнь, б
престанно слагаясь в новые формы и мимоходом спле
свои неожиданные сочетанья людей, событий и катастр

Два министерства успели пасть во Франции, четыре
ловы скатились в кузов гильотины на площади свят
Иакова. Несколько человеческих взводов засечены па сме
в армии императора всероссийского. Французские вой
снова высадились на Африканском побережье, Испа
истекла кровью от небывалой гражданской войны, массо
казней и беспощадного разгрома целых областей.

Россия стремится быть неподвижной. В этом — пред
вление ее верховного властителя о государственной мо
и державной силе. Тяжелой статуей с остановившимися зр
ками давит он на живую человеческую глыбу своего пье
стала. И атрибутами этой верховной власти выступают
углам монумента сова-Нессельроде, боров-Чернышев, Б
кендорф с головой летучей мыши и Уваров с мертвым вз
дом филина. Сколько ночных сил и затаенной хищно
скопилось в балдахине этого пышного трона...

Все вокруг мертво.

Целое общество стынет, окованное всепоглощаю
раболепством, глухое ко всему, что не сулит ему титу
состояний и житейских наслаждений, еле затронутое од
образным движеньем своих празднеств, размеренных,
вахт-парады. И даже лучшие среди этой толпы — задум
вый Жуковский и язвительный Вяземский, европеец Ту
нев и братья Виельгорские, вечно склоненные над нотн
знаками своих партитур и гнутым деревом своих инст
ментов, — как все они молчаливы, покорны, беспомощн
бессильны! И каким-то зловещим воплощением, мрач
прообразом всей этой среды выступает из ее рядов дрях
и чудовищная голова старухи Голицыной, сотрясающа
своей предсмертной судороге шелковыми розанами и нак
ными буклями своего допотопного головного убора.

Мертвые люди в омертвелом городе, среди безмол
страны. И только затаенные вожделенья темных стра
придают какое-то скрытое волненье этой непонятной и
подвижной толпе. Сложные, мелкие и злобные расч
тщеславия, алчности, властолюбия и разврата плетут
интриги и расставляют свои сети среди позолоты и
этих дворцовых зал...

А над всем этим пустынным миром министров, пос
ников, кавалергардов и камерлакеев возникают два обр
поэт и женщина небывалой красоты. Они на недосягае
высоте, над пестрой и унылой толпою гостиных и приемн
над всеми суетными помыслами и мелкими вожделень
отмеченные своими особыми и неумолимыми судьбами,
танные предчувствием великого страдания,—живая леге
трагическая и неиз'яснимая...

Петербург позади. Сани мчат меня из Таурогена. Пер
мною из снежных сугробов вырастает желто-черный с
с одноглавым распластанным орлом. Через час я в Тильз

Легкая вьюга заметает морозной пылью глубокие
розды от наших полозьев.

Петербург в прошлом. Россия за мною.

(Окончание следует)

---

[1]) Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу.
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестил,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

СОВРЕМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА

1. Смотрова «Дровоколка»; 2. Сомова «Пляска». (Сомова и Смотрова — молодые скульпторы, премированные на выставке заказов Совнаркома к 10-летию Октября и командированные затем за границу. Приводимые на снимках работы исполнены ими во время командировки.): 3. Кранц «Мать и дитя» (группа для дома охматмлада); 4. Струковский «Рабочий» (группа для Парка культуры и отдыха); 5. Шемякин «Партизаны» (группа для ниши в Доме Красной армии).

Три последние работы выполнены дипломниками скульптурного факультета Вхутеина. К этому же выпуску принадлежит интересный и сложный по замыслу памятник «Октябрьское восстание» Погорелова, который будет воспроизведен в одном из следующих номеров.

ПОД ЛЬДОМ К ПОЛЮСУ

На подводной лодке через Ледовитый океан

Очерк Губерта Вилькинса[1]

Уже много лет ищет человечество более короткого морского пути из Европы в Азию, из Аляски во Флориду, из Сиетля в Нью-Иорк. Расстояние от Сиетля до Нью-Иорка гораздо короче, чем путь через Берингов пролив или Панамский канал. Но поиски годного для плавания северо-западного или северо-восточного прохода были до сих пор тщетны.

Пользуясь совершенными машинами, Бэрд и Амундсен, Эйельсон и я доказали, что летательные аппараты могут пользоваться более коротким арктическим путем и сокращать почти на пятьдесят процентов время и расстояние путешествия между северными городами. Пассажиры скоро будут летать над Арктикой так же безопасно, как они теперь летают над Ламаншем и снежными цепями гор. Но остается необходимость перевозить на морских судах такие тяжелые и об'емистые грузы, как зерно и другие продукты из плодородных местностей в Северную Россию, Аляску и Канаду. Опыт показал, что мы не можем надеяться победить самый лед. Поэтому мы ожидаем, что современная техника поможет нам обойти лед и завоевать Арктическое море.

Экономические возможности подводных судов до сих пор недостаточно учтены. Эти суда могут сделать осуществимой перевозку значительных грузов во всякую страну северного полушария. Расстояние между Ливерпулем и Иокогамой через Арктику—6.700 миль, между тем как расстояние между этими городами через Панамский канал составляет 12.250 миль, а через Суэцкий—11.100 миль. Для судов одинаковой вместимости и скорости сбережение во времени (при рейсе туда и обратно) по Северному пути было бы более шестидесяти дней, а экономические результаты перевозки оказались бы на 100 проц. выше, чем для судов, идущих по другим направлениям.

Об'ем подводного судна не более ограничен, чем об'ем надводного, при чем доказано, что в известных пределах подводного судна экономическая производительность возрастает вместе с об'емом. Проект подводного судна в 13.000 тонн уже составлен и одобрен. Такие подводные суда, конечно, не пошли бы по прямому направлению через Ледовитый океан, но, идя вдоль берега местами, сравнительно свободными от льда, они погружались бы под воду, обходя снизу большие пространства льда, которые остановили бы движение судна надводного.

Тем не менее в путешествиях с целью научных исследований было бы возможно пройти и через полюс поперек Ледовитого океана. Современные подводные суда могут погружаться на глубину до трехсот футов. Нансен в своем описании арктического течения указывает, что он никогда не видел льда глубже, чем на 4 метра под водой. Пири и Стефенсон утверждают, что они никогда не встречали льда, погруженного в воду до дна, на глубинах больше 37 метров. Больших ледяных гор в Северном Ледовитом океане нет.

Арктика даже глубокой зимой не находится под неразрывным покровом льда. Амундсен ранней весной 1925 г. опускался на гидроплане на воду приблизительно в 90 милях от полюса. Исследователи, перелетавшие поздней зимой и ранней весной много тысяч миль над арктическими массами льдов, замечали открытые водные пространства или недавно замерзшую воду отдельными участками протяжением до 25 миль в любом месте Ледовитого океана. Мы убеждены, что поздним летом, путешествуя из Шпицбергена в Берингово море, мы могли бы пройти 50 проц. пути на поверхности.

Представляется возможным выходить на поверхность в свободную от льда воду по меньшей мере через каждые тридцать миль, но, как ни покажется странным, это обстоятельство могло бы представить для нас наибольшую опасность. Арктический лед—часто в движении. Открытое место постоянно меняет свой вид и положение. Оно может внезапно исчезнуть. Подводное судно должно быть всегда готовым к тому, чтобы в случае необходимости совершить все путешествие под водой (льдом).

Конечно, приготовляясь к подводному путешествию, которое я предполагаю совершить летом 1930 г., необходимо предусмотреть всякие неожиданности. Озерный тип подводного судна, которым мы предполагали воспользоваться, снабжен самыми серьезными приспособлениями безопасности. В нем имеются две смежных непроницаемых для воздуха камеры, при чем дно одной из них, составляющее часть дна судна, устроено в виде вращающейся дверки. Это позволяет выходить из погруженного в воду судна в водолазной одежде и производить исправления и необходимые работы снаружи судна.

Способ действия очень прост. Камера наполняется воздухом до давления, равного давлению воды снаружи. Тогда человек может открыть нижнюю дверцу и выйти в воду, а с помощью воздушного провода и направляющего каната он может свободно двигаться вокруг судна. Может случиться, что явится необходимость в смене лопасти гребного винта или надо будет сделать обследование нижней поверхности льда; можно даже собирать образцы с морского дна в мелких местах. Это приспособление может быть также использовано для получения доступа к открытому воздуху, если будет найдено необходимым проложить проход сквозь лед. Водолаз, имея возможность свободно двигаться по верху или возле судна, может прикрепить взрывчатые вещества к низу льда и вернуться в судно, которое затем отходит на безопасное расстояние и возвращается к месту после того, как взрывчатое вещество сделало свое дело.

Водолаз, пользуясь возможностью свободного передвижения, может работать с такими химическими реактивами, как термит или кальций харбид, и сделать отверстие в тонком морском льду. Несмотря на то, что лед достигает в отдельных местах толщины в 4½ и более метров, мы надеемся, что поздним летом будет возможность отыскать лед менее метра толщины. При том нужно много меньше усилий, чтобы взломать лед снизу, чем сверху; летом, когда температура воды много выше точки замерзания, потребуется лишь небольшое повышение температуры, чтобы расплавить отверстие, достаточное для пропуска небольшой башни.

Приспособление, которое мы предполагаем применить для защиты и для определения толщины льда, а также наличия открытых мест, состоит из чувствительного рукава, соединенного с верхом подводного судна посредством универсального шарнира. Этот рукав будет простираться на 9 или 12 метров над верхом судна и с помощью особого приспособления будет поддерживать на одном расстоянии от поверхности судно, которое будет постоянно иметь стремление всплыть на поверхность. Нельзя ожидать, чтобы нижняя поверхность льда была ровной; но неп вильности, за немногими исключения не будут велики,—во всяком случае настолько, чтобы корпус судна мог у риться о выступающие части льда.

Как второе предохранение от такой в можности, будет устроен особый упру брус, который будет защищать верхн поверхность судна. Этот упругий брус салазки в случае, если чувствительн рукав не будет действовать, защитит с но от соприкосновения со льдом свер Имеется в виду предусмотреть механи ские приспособления для достижения с бодного воздуха даже из-под льда в ше и более метров. Будут установлены 17-сантиметровых бурава — один спере другой сзади. Бурава будут просверле и внутренняя центральная их часть бу с'емная, так что, когда отверстие бу сделано, сверла могут быть удалены оставлены проходящие сквозь лед 15-сантиметровые трубки. Они будут с жить всасывающей и отводящей тру для машин. Находясь подо льдом, как м под потолком, можно будет перезаряд батареи и итти дальше.

Это будет безопасней, чем выход в крытое место. Можно думать, что подв ное судно в погруженном состоянии «с по», но опыт показал, что в прозрач воде, — а в Ледовитом океане вода от чается исключительной прозрачностью можно при дневном свете видеть на р стоянии 50 ярдов и более. В Арктике летом все время дневной свет. Кроме т спереди и сзади судна будет отбрасыва ся сосредоточенный свет, который д возможность делать наблюдения в ближ шем соседстве.

Кроме установления возможности по зоваться коммерческими подводными дами в арктических водах, путешест подо льдом Северного полюса и поперек верного Ледовитого океана открывает н более удобную возможность для важн научных исследований. Мы возьмем с бой инструменты для определения г бин. Это предохранит судно от посадки мель в мелких местах. Судно снабж также в нижней части колесами. Особ маятниковый аппарат, приведенный в д ствие, когда судно находится в движен будет определять удельный вес зем коры в ее верхнем конце.

Компас с жироскопом даст нам су ственные указания относительно магн ных колебаний, когда мы будем пере кать верх земного шара, т. е. в точке з чительно севернее самого магнитного люса. Компас земной индукции и обык венный судовой компас, когда потребу ся, будут служить указателями для п вания. Мы будем в состоянии наблюд направление, силу, температуру и сод жание течений в Ледовитом океане и брать образцы животной жизни, ка найдем. Можно будет наблюдать и фо графировать эту жизнь сквозь прозрачн стеклянные окна подводного судна.

Во время остановок, перезаряжая свои тареи, мы сможем определить свое по жение астрономическими наблюдениям быть ежедневно в связи со всеми част света с помощью беспроволочного теле фа. С привязного аэростата мы смож делать фотографические с'емки. Мы бу наблюдать состояние льда в середине та, условия погоды в это время и дав сведения чрезвычайной важности для мет рологов. Но самое главное — мы смож показать, что изобретательность челов в области техники преодолевает все п пятствия природы.

Перевод с английского Э. Р.

[1]) Губерт-Вилькинс — английский полярный путешественник, предполагающий предпринять путешествие к Северному полюсу на подводной лодке.

НА СУД РАБОЧИХ

Есть горе-хозяйственники, которые с философским спокойствием заявляют:

— Выговор, так выговор!

И с легким сердцем прячут полученную бумажку с выговором под сукно.

Но, прижатые к стене, став перед необходимостью держать ответ перед рабочими массами, они теряют свое философское спокойствие.

— Все, что хотите, только не суд рабочих заседателей...

Имеется целый ряд безобразий, усложняющих жизнь и раздражающих рабочий класс. Всем известны временные трудности в продовольственном снабжении. Но известно также и то, что разумное, рациональное пользование и распределение имеющихся ресурсов избавит рабочего потребителя от излишних трудностей и ненужных раздражений.

Газеты пестреют заметками о безобразном отношении к хранению продовольственных продуктов, приводящем к гибели сотни тонн продовольствия, о ничем неоправданной трубости в обращении с потребителем. Проходить мимо этих «мелочей» значит потворствовать безобразиям...

Факты последних дней:

Главная хлебная инспекция обнаружила случаи безобразного отношения к разгрузке зерна, — дорогое сортовое зерно смешивается с зерном низших сортов. На птичных складах МОСПО обнаружены вопиющие безобразия, преступная бесхозяйственность. Птица, доставленная в Москву, была оставлена под открытым небом, без корма, воды, без всякого ухода. В результате такого «ухода» за несколько дней погибло свыше 3.000 шт. разной птицы. Склады завалены дохлой птицей... На плодоовощных складах овощи гибнут вагонами. На бойнях скот гибнет от холода и безобразного состояния загонных дворов.

Недавно летучая инспекция РКИ сделала проверку, как в магазинах обращаются с покупателем. Налет был сделан на всем известные магазины «Коммунар», и вот что обнаружила инспекция.

В магазине № 34 на жалобу старухи-покупательницы, что в отпущенном мясе слишком много костей, продавец бесцеремонно ответил:

— Пожрешь и костей..

В магазине № 32 продавец на вопрос, почему мясо не совсем доброкачественное, с злобным ехидством отвечает:

— Будет лучше, когда пришлют из Германии...

А разве не издевательство над рабочим классом идиотское заявление продавца в ответ на жалобу, что оставшееся мясо плохое.

— Это мясо осталось для рабочих...

Можно привести еще много примеров.

Все эти безобразия нередко ведут непосредственно к преступлениям или создают благоприятные условия для хищений.

Часто в кооперативах нехватает кожи, обуви, мануфактуры и т. д., а у частника есть много остродефицитных товаров.

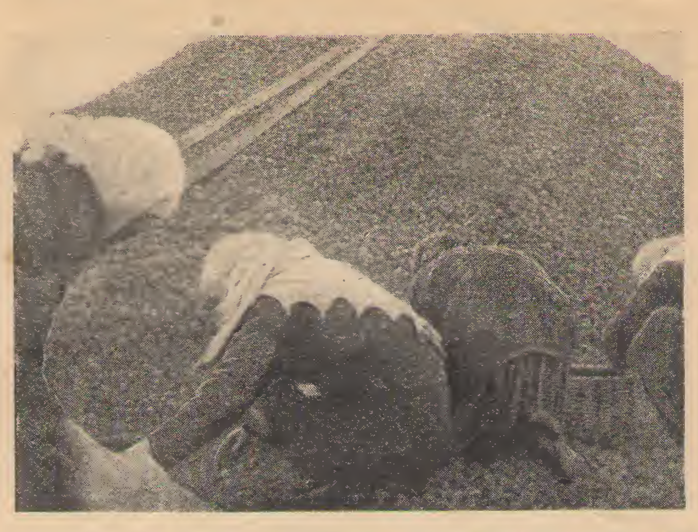
Рабочие через свою печать задают вопросы:

— Как достают частные торгаши товары государственной промышленности?

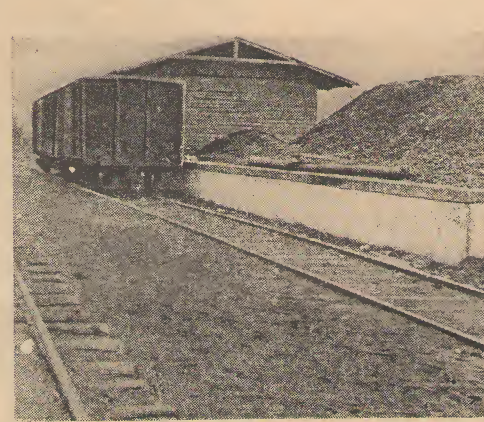
— Откуда частники достают мясо, масло, яйца, а затем продают по бешеным ценам?

Ларчик, по об'яснению облторготдела, открывается просто:

— Частник получает их в результате скупки краденого на предприятиях и, главное, через государственные и кооперативные магазины, подкупая некоторые слои чуждых нам продавцов

Горы колхозного картофеля на станции Еголдаеве не вывозятся из-за неаккуратной подачи вагонов

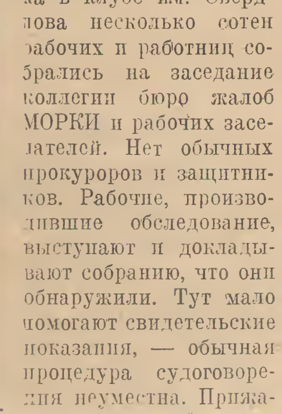
Из-за простоя вагонов гниет картофель

Борьба со всеми этими злоупотреблениями будет тем успешнее, чем энергичнее сами трудящиеся будут выявлять все эти безобразия и не будут благодушно проходить мимо этих «мелочей».

* * *

Воскресник по починке мешков, организованный Вторыми госкурсами кройки и шитья

После фабричного гудка в клубе им. Свердлова несколько сотен рабочих и работниц собрались на заседание коллегии бюро жалоб МОРКИ и рабочих заседателей. Нет обычных прокуроров и защитников. Рабочие, производившие обследование, выступают и докладывают собранию, что они обнаружили. Тут мало помогают свидетельские показания, — обычная процедура судоговорения неуместна. Прижатые к стене фактами, виновные могут только оспаривать их значимость, но отрицать—бесполезно.

Несколько характерных для наших дней дел.

Выступает рабочий и докладывает сухо, по-деловому, даже не входя в оценку, так как рабочей аудитории достаточно ясно, как отражаются эти факты на настроении потребителя в наши трудные дни:

— На шаболовском плодоовощном складе МОСПО из-за преступной бесхозяйственности сгноили 157 бочек огурцов. Чтобы скрыть это преступление, 50 бочек сгнивших огурцов были зарыты в ямах во дворе этого склада. На том же складе сгноили вагон чесноку, три с половиной тонны капусты, 4 бочки грибов, 6 больших бочек клюквы и ухитрились привести в негодное состояние 1 вагон дагестанских огурцов, находившихся в герметически закупоренных банках. На втором Болотном складе МОСПО сгноили около 100 бочек нежинских и 60.000 штук местных огурцов...

Не менее лаконична и оценка, данная рабочими заседателями «героям» этих дел.

— Поставить перед Наркомторгом вопрос о целесообразности дальнейшей работы заведующего плодоовощным отделом... Его заместителя снять с работы... Снять с работы заведующих Болотным и Шаболовским складами... Снять санитарных врачей с работы за недостаточный санитарный надзор за пищевыми складами...

И заключение по этому делу:

— Для привлечения всех виновных к уголовной ответственности дело о бесхозяйственности и антисанитарии передать прокурору.

На трибуне следующий рабочий докладывает о новом деле:

— В исключительно антисанитарных условиях, на которые не обращали внимания ни санитарный надзор, ни работники МОСПО, находилась хлебопекарня МОСПО № 73. Нечистоты со всего дома стекали во двор, откуда заносились в пекарню. Мусор с потолка сыпался в муку. Были случаи, когда в муке находили дохлых крыс и мышей.

Решение рабочих заседателей:

— Снять заведующего с работы, перевести пекарню в другое место.

На очереди ряд других дел. Рабочий суд послужит хорошим уроком для всех тех, кто забыл, что контроль рабочих масс — не агитационный лозунг, а конкретное проявление диктатуры рабочего класса.

Не благодушное и ротозейское отношение к «мелочам», а жестокая борьба с ними, и меньше будет в нашей жизни раздражающих безобразий.

В. СЕМЕНОВ

ВТОРНИК, 1 ОКТЯБРЯ 1929 г. № 228 (3762) ИЗВЕСТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНО

„Вдвое и втрое поднялась бы производительность труда, вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд.

Контрольные

Часть страницы «Известий ЦИК», переданная по телеграфу из Ленинграда в Москву

Слушайте фотографию!

Ну, теперь можете!..

Я одеваю «наушники»—обычные, какими пользуется каждый радиослушатель.

Строгую тишину огромной, на три четверти пустой комнаты—кажется—сразу наполняет поток глухих звуков. Мелкая дробь льется то густой струей, то падает одинокими каплями, затем капли эти сливаются в тонкую струю, а струя, повинуясь каким-то таинственным законам, вновь обрушивается водопадом.

Это продолжается не больше двух минут. Переданное по телеграфу изображение уже принято. Помощник механика, как полагается каждому прозаическому фотографу, давно уже ушел проявлять негатив. А я все еще стою ошеломленный. Я с л ы ш а л процесс фотографирования. Я с л ы ш а л с в е т, е г о д в и ж е н и е, е г о д е й с т в и е. Полмиллиона световых точек, посланных по проводу из Ленинграда в Москву, в течение д в у х м и н у т покрыли негатив площадью в 10×20 снт., и этим молниеносным чудом можно не только пользоваться для практических целей, его можно еще и слышать... Разве не чудо, действительно?!

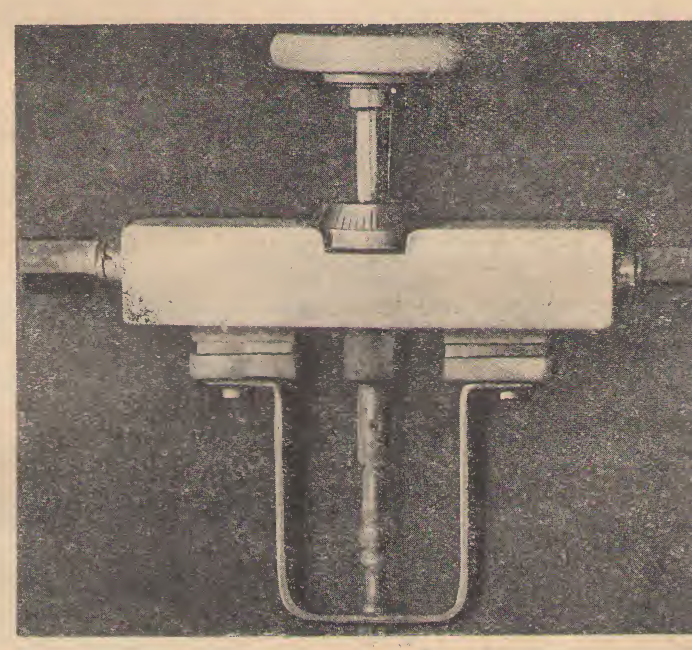
Но в чудеса ныне верить никто не хочет и не может. Да и чудес-то нет. Их заменили физика и механика—послушные орудия человеческого гения. Спокойный, сдержанный, медлительный в движениях и речи человек об'ясняет нам процесс передачи изображений на расстоянии. И чем дальше разворачивается клубок его об'яснений, тем резче, отчетливее, рельефнее выступает перед нами простота гениального.

* * *

Он похож на токарный станок. Два барабана, система рычажков, сбоку крохотный мотор, электролампочки — вот и все, что с первого взгляда замечаешь на небольшом столе, одиноко стоящем в одном из огромных апартаментов грандиозного здания нового московского телеграфа. Чувствуешь даже как-будто разочарование. Воображение подсказывало сложнейшую систему механизмов, какие-то невиданные трубы, сказочную сеть проводов, грандиозные стекла и среди них копошащихся пигмеев-людей. А на деле, кроме «станка» да нескольких — в стороне, на подставках — батарей, — ничего. Всегда два человека обслуживают всю аппаратную: они сговариваются с Ленинградом о времени передач, они управляют распределительной доской, они принимают и отправляют изображения, проявляют негативы и пр. и пр.

— Алло! Алло! Ленинград! Ленинград! Слышите ли вы нас? Слышите ли вы нас? Перехожу на приемную! Перехожу на приемную!—отчетливой скороговоркой кричит в телефонную трубку помощник механика и, договорившись с Ленинградом, доклa вает: в 19 часов 10 минут.

Ровно в 7 ч. 10 мин.—звонок из Лен града. Кассета с пленкой уже одета приемный барабан. «Станок» уже вклю в щепь.

Конденсатор Керра

— Ленинград дает нам свет!

На круглой полированной поверхности большого застекленного аппарата всп вает стремительно несущийся по окруж сти бледно-розовый, с разрывами, луч та. Это Ленинград дает «н а с т р о й с в е т а»,—по этому лучу здесь, в Мос необходимо урегулировать винт к е р к д о н с а т о р а (конденсатора Керра) прием той или иной четкости рисунка.

К о р к о н д е н с а т о р и есть ос основ при приеме изображения. Это оч несложный прибор. Он состоит из двух тикально расположенных э л е к т р о к о в, опущенных в нитробензол. По л а е м ы й и з Л е н и н г р а д а э л е к т т о к н а п р а в л я е т с я н а э л е к т д и к и, и между ними устанавлива расстояние (щель), пропускающее Образуется своего рода электрический пан, открывающий и закрывающий, ширяющий или суживающий щель. света от расположенной рядом ламп проходит сначала в нитробензол, затем рез электрическое поле щели между э тродиками и, наконец, падает свет точкой на пленку. Совершенно очеви ч т о с и л а и ч а с т о т а э т и х с в е в ы х т о ч е к з а в и с и т о т н а п р я н и я н а э л е к т р о д и к а х, т. е. в н е ч н о м и т о г е о т т о к о в, п о с ы л м ы х Л е н и н г р а д о м.

Алло! Ленинград! Слышите ли вы нас?

Эти точки света мы слыхали при передаче, эти точки, нанесенные на одетую на вращающийся барабан пленку и дают на последней передаваемое изображение.

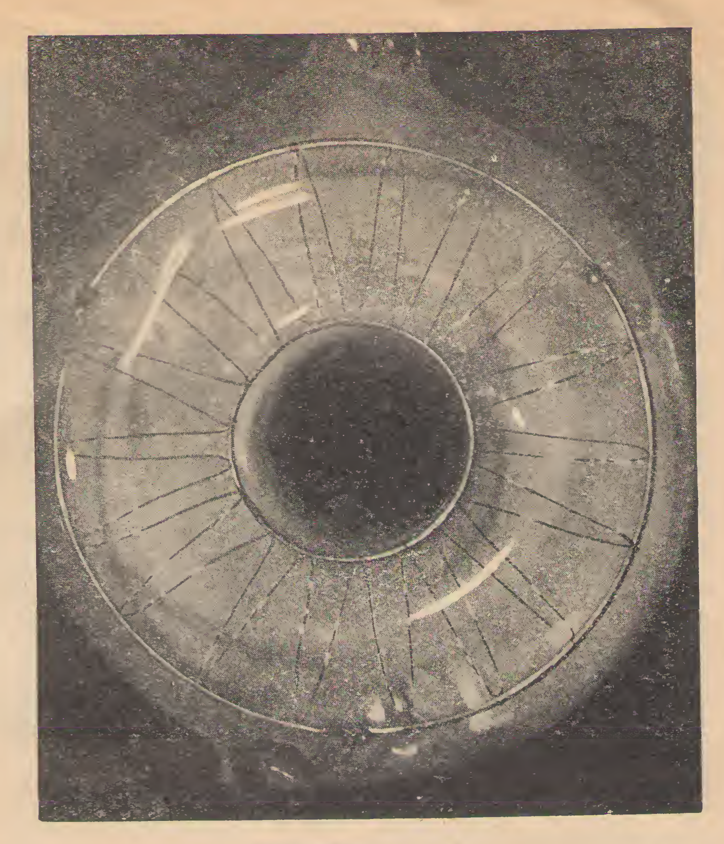
Что же происходит в это время в Ленинграде? Не менее «простой» процесс.

* * *

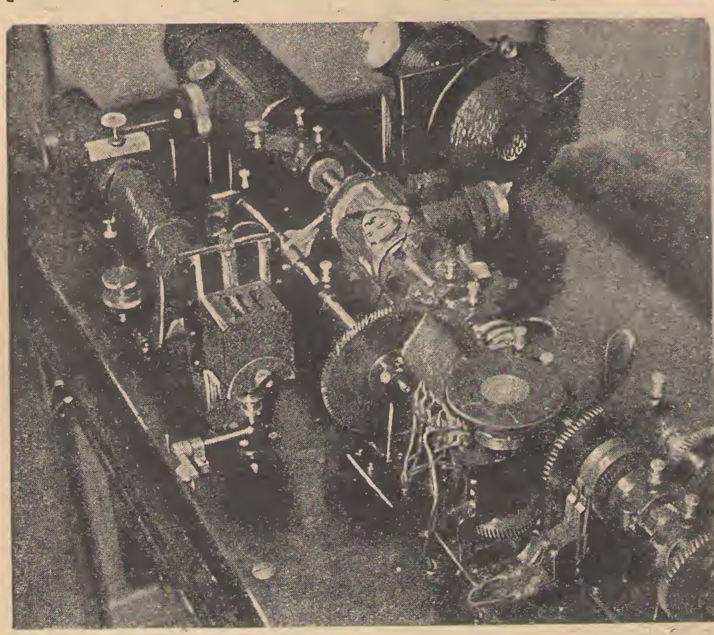
На «станке» рядом с принимающим аппаратом расположен и передающий. Его главная часть — фотоэлемент, имеющий кое-что общее с обыкновенной радиолюбительской электронной лампой. Разница только в том, что последняя имеет три электрода, а фотоэлемент только два—анод и катод.

Стеклянная трубка, размером с карманные часы, согнута в виде спасательного круга. Внутри—зигзагообразная сетка. Между сеткой и стенкой трубки безвоздушное пространство. Внутренняя стенка трубки, покрытая калием, который активизирован водородом, играет роль катода. В зависимости от падающего света, покрытая калием стенка (катод) испускает электроны. Сетка внутри трубки является анодом. Поток электронов между катодом и анодом образует проводящую среду фотоэлемента.

В фотоэлемент включается чувствительный гальванометр. В зависимости от интенсивности падающего на фотоэлемент света гальванометр дает разные показания. Эти меняющиеся импульсы тока в гальванометре, усиленные и переданные по проводам или радиоволнами, и воздействуют на работу керконденсатора.

Фотоэлемент

Аппарат, принимающий и передающий изображения

Это—принципы. Практика же такова. К барабану, имеющему вращательное и наступательное движение, прикреплено изображение — письмо, фото, документ. Луч света, направленный на изображение и отраженно падающий на фотоэлемент, порождает в нем поток электронов. Понятно, что белые места изображения дают один поток света (и поток электронов), а темные и черные — другой. Отсюда изменяется и сила посылаемых гальванометром в Ленинграде токов; отсюда, в свою очередь, колеблется напряжение на электродиках конденсаторов Керра в Москве; отсюда, значит, зависит сила световой точки, падающей на пленку принимающего изображения барабана.

Передаваемый рисунок на вращающемся барабане как бы по спирали разворачивается перед фотоэлементом и так же спирально наносится через керконденсатор на вращающуюся пленку. Если эту спираль мысленно развернуть в прямую линию, она будет состоять из ряда разной толщины точек.

Ток, даваемый фотоэлементами, чрезвычайно слаб. Он равен миллионным долям вольта. Поэтому ток этот пропускают через пятикаскадный усилитель, и при выходе со станции отправления он уже равен 16—20 вольт. Но и этого недостаточно. В пути ток теряет силу. На приемной станции имеется поэтому, в свою очередь, двухкаскадный усилитель, через который ток снова усиленным поступает в приемный аппарат.

* * *

Для того, чтобы передать по телеграфу или радио изображение, необходимо было достичь абсолютно-согласованной работы аппаратуры передаточной и приемной станции. Именно эту задачу должна была разрешить научная мысль, чтобы суметь практически использовать давно известные физические законы света и электричества. Именно с разрешением этой проблемы стало возможно «невозможное» — вот эта передача изображений, видение на расстоянии, звучащее кино и т. п. Только после того, как был сконструирован камертонный генератор, дающий полное совпадение пульсаций переменного тока (1.560 периодов), стали возможным многие «чудеса» современности. Камертонный генератор, использованный для движения вращающихся механизмов, обеспечил строжайший синхронизм — абсолютно тождественную скорость вращения барабанов на обеих станциях — важнейшие условия успешной работы фотоэлемента и керконденсатора.

* * *

Так в простейших словах раскрыли перед нами специалисты свою «тайну».

Для нас с вами, читатель, дело обстоит чрезвычайно просто.

Мы приходим в почтовую контору, сдаем свою фотографическую карточку или письмо, платим 3 рубля, указываем адрес, получаем квитанцию и уходим домой. Через час приблизительно наше поручение будет исполнено — изображение передано адресату.

Но сколько упорного труда, настойчивости и изобретательности должен был положить на это «простое» открытие человек, чтоб еще раз доказать безбрежную силу своей мысли и своих знаний, завоевывающих с каждым днем все новые и новые высоты.

— Слушайте фотографию! — сказали нам. И мы ее услышали.

СТ. НИКОНОВ

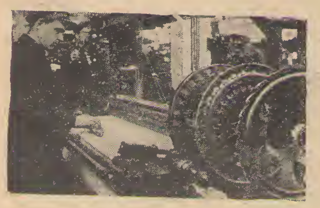

Карикатура Дени, переданная по телеграфу из Ленинграда в Москву

«ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЦЕНТР»

КНИГИ в серии «Наш Союз» служат основной задаче — «дать читателям, главным образом нашей учащейся молодежи и лицам, занимающимся самообразованием, литературную и удобочитаемую работу, знакомящую с частями нашего Союза в процессе их исторического формирования в настоящем, а также с перспективами их дальнейшего развития». Книга «Промышленный центр» рассказывает о двух крупнейших обла-

стях нашего Союза — Московской и Ивановской промышленной. Занимая центральное положение в наиболее экономически развитой европейской части Союза, эти области имеют в своих пределах мощную промышленность и в то же время играют руководящую роль в торговом обороте страны. Наконец, здесь находится культурный и политический центр Союза. Знакомство с этой книгой необходимо не только живущим в промышленном центре, но и каждому работнику нашего Союза, так как в своей повседневной работе всегда приходится сталкиваться с вопросами политическими и экономическими, которые часто ставятся и решаются центром.

«ЧЕРЕЗ БРЮКВУ К СОЦИАЛИЗМУ»

ОЧЕРКИ смоленской действительности», составившие книгу т. Аграновского (изд. «Моск. Рабочий»), хорошо знакомы читателю «Красной Нивы» и «Известий ЦИК». Широкий охват социальных процессов, зоркая наблюдательность при умении дать четкий классовый анализ обследуемых явлений и боевой темперамент журналиста-общественника сообщают книге тов. Аграновского значение, выходящее далеко за пределы описания одной «смоленщины». Искривления классовой политики б. Смоленской губ. и главным образом столыпинская политика, проводившаяся местными земельными органами, дали тов. Аграновскому не только повод разоблачить «конкретных носителей зла», но и всесторонне показать уголок современной деревни, в которой прошлое противоборствует настоящему и в которой настоящее одерживает победу за победой.

«ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ»

ТАК называется новая, выпускаемая Госиздатом, серия книг по пятилетнему плану. Каждый выпуск посвящен одной какой-нибудь отрасли промышленности. Пока выпущены две книжки: «Электропромышленность в пятилетке» Н. К. Тимофеева и «Нефть в пятилетке» В. И. Зубченко. Название «электропромышленность» не охватывает всего содержания книги Н. К. Тимофеева, которая в основном посвящена электрификации в широком смысле слова. В ней освещены и такие малоизвестные и отсталые участки электрификации, как электрификация транспорта и сельского хозяйства. Книжечке о нефти предпослан интересный краткий исторический очерк. Желание авторов показать, как в различных отраслях решается задача «догнать и перегнать», за скудостью данных оказалось осуществленным не полностью, но и приведенные данные представляют большой интерес. Обе книжечки сопровождаются пояснением, к сожалению, не полным, встречающихся в тексте технических терминов.

Благодаря популярности и сжатости изложения, книжки об электрификации и нефти удовлетворяют одновременно запросы двух категорий читателей: работающих в этих отраслях промышленности и неспециалистов, желающих получить представление о важнейших участках индустриализации у нас и в передовых капиталистических странах.

«ЧТО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ РАБОЧИЙ О ЧИСТКЕ ГОСАППАРАТА»

ВЫПУЩЕННАЯ изд. «Прибой» под этим заглавием популярная книжка Л. Владис имеет целью привлечь внимание рабочих масс к чистке госаппарата, как насущнейшей задаче момента. Социалистическое строительство и успешное осуществление пятилетнего плана будут идти без «срывов» и тем более четко, быстрым темпом, чем более четко, без бюрократических извращений будет работать государственный аппарат. Изгнание бюрократов, вредителей, всяческого рода «чинуш» путем разоблачения их перед лицом рабочего класса—вот цель чистки. Массовое выдвижение рабочих и крестьян в аппарат на место вычищенных—вот путь оздоровления аппарата. Обо всем этом рассказывается в книжке, разъясняющей рабочему его обязанности в длительной и важнейшей общественной работе по улучшению госаппарата.

«ПО НЕИССЛЕДОВАННОМУ ПАМИРУ»

СМЕШАННАЯ советско-германская экспедиция 1928 г. в неисследованную область Памира дала богатейшие научные результаты. Книжка тов. Н. Крыленко (Гиз) только попутно останавливается на этих достижениях экспедиции. Почти в форме дневника т. Крыленко рассказывает о «быте» экспедиции, об альпинистических рекордах и туристских переживаниях группы участников исторического путешествия. Но в увлекательнейшем рассказе о «приключениях» и

Н. В. Крыленко

«случаях», в скупых и тем более выразительных описаниях «поднебесных» красот «крыши мира» читатель найдет не просто «интересное чтение», но и поучительнейшее повествование о человеческой воле и научной мысли, в счастливом сочетании способных раскрыть все «тайны» мира, а затем разумно этот мир перестроить. Как бы мимоходом, между прочим, тов. Крыленко рассказывает о научных успехах и наблюдениях экспедиции, но в целом его книга дает совершенно отчетливое представление о неизведанном крае, его богатствах и возможностях. Книгу следует горячо рекомендовать самому широкому читателю.

ЛЕНИН И ИСКУССТВО

В книге, составленной С. Дрейденом, тщательно собраны почти все высказывания В. И. Ленина по вопросам искусства и литературы. Ленин, как известно, вопросами искусства специально не занимался — в своих сочинениях и речах он касался их только попутно. Но эти разрозненные высказывания, сопоставленные с авторитетными воспоминаниями сотрудников В. И., дают богатейший материал для многих важнейших обобщений.

Сборник, рассчитанный на широкого читателя, разбит на отделы: «Пути культурного строительства», «Ленин и кино», «Ленин и театр», «Ленин и Толстой», «Ленин и Горький», «Из отзывов о писателях и книгах», «Искусство в быту Ленина».

Весь этот материал, при всем его разнообразии и разносторонности, пронизан, однако, одной основной мыслью, высказанной Лениным в пункте 1-м проекта резолюции «о пролетарской культуре»: «В советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры, т. е. за свержение буржуазии, за уничтожение классов, за устранение всякой эксплоатации человека человеком». Эта основная ленинская мысль остается руководящей во всех областях искусства и на сегодняшний день.

ИЗУМРУД СЕВЕРА

ЗОВЫ скитаний» питают лирику Николая Смирнова. «Язык времен» волнует его воображение. «Непрестанно меняющаяся жизнь» приковывает его внимание. В одном очерке он рассказывает о «подруге дней суровых» — героической большевичке, а в другой описывает «счастливую аркадию» — расейскую самоварную провинцию. Он внимательно следит за молекулярными процессами рождения нового быта в большом очерке «Берестяный свиток» и бытописует «советского Макария». Мягкая яркость красок, живописность деталей, выразительный словесный узор — характерные особенности писательской манеры Смирнова. Во всех очерках показана живая жизнь, и в этом основное достоинство талантливой книги.

ЖИТЬЕ ВУЗОВЦЕВ

У нас в литературе мало уделяется внимания быту пролетарского студенчества. Поэтому вполне заслуживает внимания книжка М. Янковского о «Коммуне ста тридцати трех». В книжке рассказана история общежития, «представляющего полуразрушенное помещение, в котором, если не совсем тепло и чисто, то зато в достаточной степени шумно и весело». На протяжении 180 страниц ведется рассказ о том, как формируется сознание молодежи, воспитывается коллективизм и создается психология нового быта. Коммуна началась с «акционерного общества ужинов» и выросла в коллектив, создавший благоприятную обстановку для академической учебы своих чл внедрила навыки коллекти в быту и подготовила спец стов-общественников для тельства социалистического зяйства.

Книжка написана в живо вествовательной форме, не па юмора и читается с интер

КНИГА О ЛЕРМОНТОВ

ЛЕРМОНТОВ в жизни, монтов человек и как он рисуется в ставлении современн в официальных свидетель и документах на фоне линных исторических матер эпохи. Восстановить этот об воображении современного теля — вот задача книги» — шет в предисловии к двухт му литературному монтажу, священному Лермонтову, Щеголев («Книга о Лермонт Изд. «Прибой», т. I. Стр том II. Стр. 247). Монтаж, вленный из широко использ ных мемуарных материал исторических документов, да конченное представление о

Составитель проверяет и ставляет показания совр ников, отбрасывая одни, явно недостоверные, пригл к другим относиться с торой осторожностью и к фицируя третьи, как безу по достоверные. В творчеств мого поэта ищет Щеголев тверждений тех или иных щений мемуаристов и биогр

Противоречивый Лермонтов показан на фоне своего времени, в котором клубок противоречий неизжитого прошлого с еще неясными стремлениями к новому. Переломная трагическая эпоха, она в Лерм ве нашла своего трагиче поэта. Книга очень хорошо па, с отличной репродукцией тии работы Лермонтова и его портретов.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ приблизительно равен ловине европейской нашего Союза, и на огромной территории живет 2 млн. человек. Край этот дится в периоде первоначал хозяйственного освоения че ком. Географическое полож Дальневосточного края д его частью тихоокеанского а, следовательно, приобщает рез него весь наш Союз к сложному узлу хозяйственн политических взаимоотнош которые завязались на бе Тихого океана.

Вышедшая в серии «Наш С книга «Дальневосточный дает краткое, но по широкой грамме изложенное описание номического состояния этой лекой окраины. Достоинство ги—в отсутствии цифровой грузки, в популярности и сти изложения. Эта своего монография о Дальнем Во окажет существенную пользу изучении экономической ге фии, а также поможет и мас му читателю узнать про огро край, на границах которого час происходят события, пр кающие внимание всего ми

Дойная реторта

Очерк Вл. Манухина

ПОЛЛИТРА в день на человека. И в 5-м часу утра, задолго до того, как по улицам прогремит первый трамвай, возле магазинов Маслоцентра, Крестьянского молочного союза, возле кооператива появляются домашние хозяйки с крынками, кувшинами, молочниками. Молока явно нехватает.

— Прокисло! Только поставила на плиту, а оно и свернулось!

В редком доме не бывает хоть изредка этакой вот маленькой неприятности.

Не сидеть же без молока. И вместо 12 коп. платит хозяйка двугривенный молочнице за подозрительное месиво из мела, муки и воды.

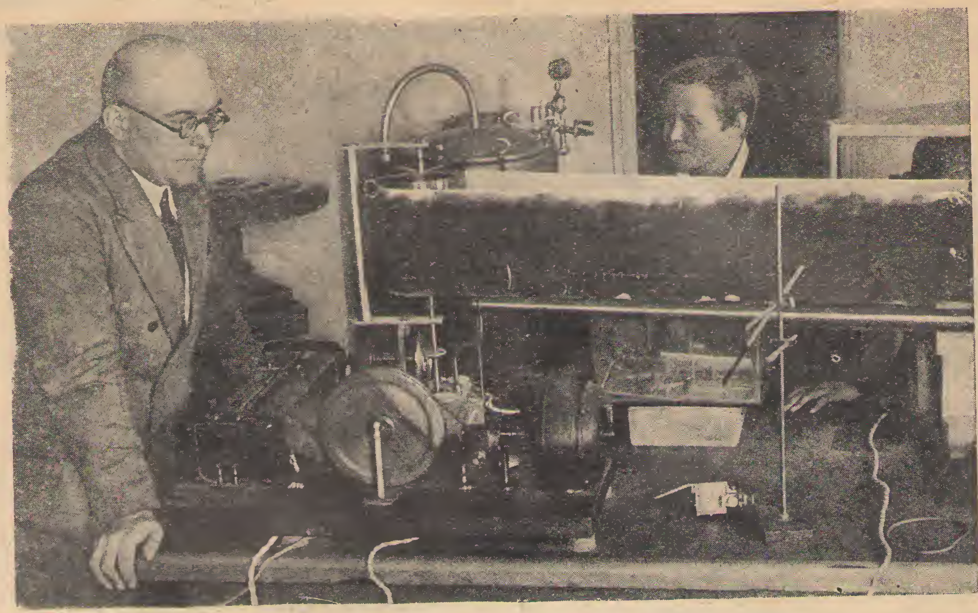
Эйзенштейн в своей замечательной работе «Старое и новое» раскрыл подлинную романтику сепаратора.

— Товарищ Эйзенштейн, вы ошиблись. Молочную проблему будущего решат совсем не ваши племенные голландские коровы, а пробирки, колбочки и реторты, изготовленные в мастерской Гослаборснабжения!

А вы, мистер Уэльс, там у себя в Лондоне, ничего не слыхали о работах агрохимической лаборатории при Московском политехническом музее? Знаете ли вы, что-нибудь о наших достижениях в области коллоидной химии?

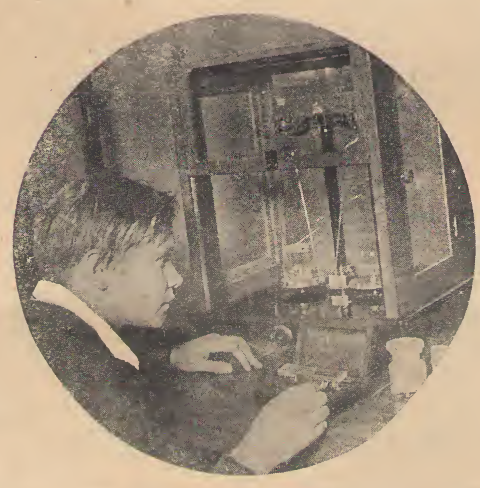
А между тем то, чего мы уже достигли, не на много уступает «питательной пилюле» из вашего романа. Мы, видите ли, научились приготовлять в колбочке молоко. Без никаких коров.

Самым трудным было доказать тождество белков — растительных и животных. Длительные и сложные исследования установили, что белки, это основное питательное вещество, содержащееся в молоке, в куриных яйцах и в бобовых растениях, однородны. В результате соответствующей химической обработки гороха удалось выделить из него белок, по своему химическому составу и по своим свойствам тождественный белку молока. Отдельно лабораторным способом, получили молочный сахар, соответствующие соли и жировые вещества, содержащиеся в коровьем молоке. И простая механическая смесь добытых препаратов, взятых в определенной пропорции, будучи разболтана в воде, дает

Монтаж прибора для записи кривой тождества белков

напиток, по своему вкусу, внешнему виду, химическому содержанию и питательным свойствам решительно ничем не отличающийся от молока.

У аналитических весов. Контроль молочного прибора

Кто не помнит сгущенного молока и молочного порошка голодного 1920 года? А знаменитые американские молочные консервы «АРА»! Кто только не пробовал американской посылки.

Американцы брали молоко, лили на сковороду, долго выпаривали. Получали твердый осадок — молочный порошок. Но ведь сперва доили корову, а уже потом изготовляли молочный консерв. Советским ученым удалось добиться молочного порошка, полученного искусственным способом.

Небольшой стеклянный патрон. Три отделения. В отделениях порознь белок, молочный сахар, соли и жиры. Патрон высыпается в стакан кипяченой воды — и молоко готово.

Трудно предвидеть те огромные практические результаты, которые удастся извлечь из полученного в лаборатории химически чистого молока.

Воображение рисует молочную ферму близкого будущего совсем не такую, как у Эйзенштейна. Вместо пастбища с племенным скотом — огромная фабрика. Вместо коровы—мешок гороху. Вместо вымени—реторта. Вместо доильщиц — сосредоточенные люди в белых халатах. Вместо тяжелых железных бидонов — легонькие стеклянные патрончики. В патрончиках питание и здоровье в виде химически чистого вещества.

С 4 часов утра выстраиваются очереди у молочных. По двойной цене торгуют молочницы месивом из мела и воды. Наркомторг и кооперация посвящают сотни часов заседаниям по борьбе с очередями; с огромным усилием преодолеваются продовольственные затруднения. А в полутемных комнатках при Политехническом музее, сплошь уставленных причудливыми стеклянными приборами, микровесами и микроскопами, склонившись над газовыми горелками, с пробирками в руках сидят люди в белых халатах и под руководством профессоров Перова и Леонтьева занимаются химической «чисткой» наших продовольственных затруднений.

Контроль растворимости горохового белка. Справа проф. Н. Ф. Леонтьев

Сатира и юмор

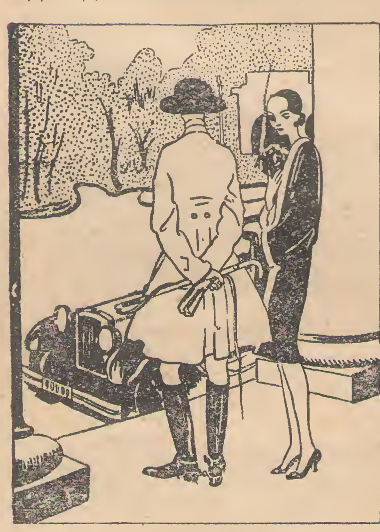
МОЛИТВА

Каждый день — конгресс, банкет
Боже, я за все плачу.
Сжалься, я и так раздет —
И конгрессов не хочу!

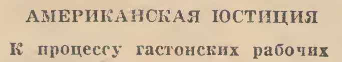
(«Кладдерадатш»)

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИСКУССТВО!

— Мой муж хотел купить картину Либермана, я охотнее взяла бы Кокошки, продавец картин пытался вручить нам Пикассо но, в конце концов мы приобрели Рольс-Ройс

(«Симплициссимус»)

АМЕРИКАНСКАЯ ЮСТИЦИЯ

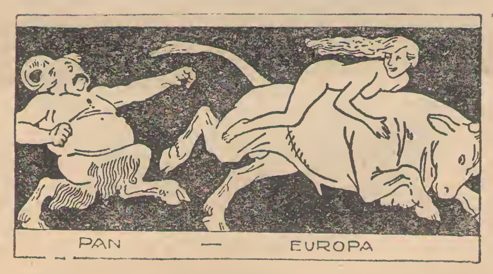
К процессу гастонских рабочих

Кровь Сакко и Ванцетти разбудила мой аппетит

(«Эленшпигель»)

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ

Пан-Европа

(«Кладдерадатш»)

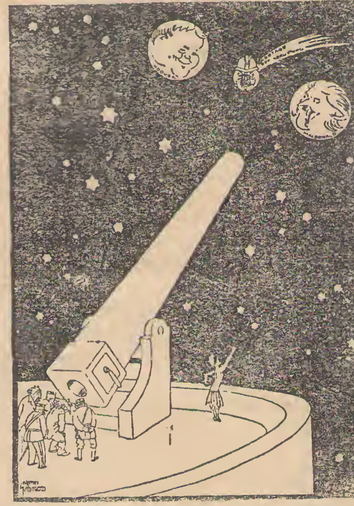
КУПЕЦ ИЗ НЬЮ-ИОРКА

Не мешайте г. Бриану организов свои штаты — оптом приобресть пр приятие ведь выгоднее...

(«Симплициссимус

НА ПАРИЖСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

На парижской обсерватории следя тревожным вниманием за движен двух новых планет, так как при ст новении последних треснет третья

(«Кладдерадатш

ВСЕ ТО ЖЕ

Лживые мирные демонстрации.

Еще одна конференция по безопасности, еще одна сессия Лиги Наций...

Еще один правительственный кризис, еще одна коалиция...

— А народ...

(«Симплициссимус»)

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—6 р. 75 к., на 9 мес.—5 р. 10 к., на 6 мес.— 3 р. 40 к., на 3 мес.—1 р. 75 к., на 1 мес.— 6) к.
Подписку направлять в Главную Контору „ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР И ВЦИК“, Москва, 37, пр. им. Скворцова-Степанова, 5.

Москва, Страстн. пл., пр. им. Скворцова-Степанова, 5. Тел. 5-36-53.
Издание „Известий ЦИК СССР и ВЦИК“.

Редакторы: А. В. Луначарский и В. П. Полонск

Главлит № А 48.478 Типография им. Скворцова-Степанова „Известий ЦИК СССР и ВЦИК“, Москва, Страстная площ.

ЦЕНА № „КРАСНОЙ НИВЫ" ПОВСЮДУ **15** коп.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО „СОВКИНО"

Москва 9, М. Гнездниковский пер., 7.

В ПОМОЩЬ ЛЕКТОРАМ, УЧИТЕЛЯМ, ИЗБАЧАМ И АГРОНОМАМ

ВЫПУСКАЕТ

ПЛЕНОЧНЫЕ ДИАПОЗИТИВЫ

ПЛЕНОЧНЫЕ ДИАПОЗИТИВЫ можно демонстрировать на специальном фонаре „Избач" и кино-передвижке „ГОЗ".

ПЛЕНОЧНЫЕ ДИАПОЗИТИВЫ выпускаются сериями по отдельным вопросам.

Стоимость каждой серии 80 коп. (вместо 15—20 руб. стоимости такой же темы диапозитивов на стекле). Стоимость фонаря—50 руб. Пересылка за счет заказчика.

К каждой теме прилагается брошюра (конспект лекции), при помощи которой лекцию может читать всякий грамотный человек.

ПЛЕНОЧНЫЕ ДИАПОЗИТИВЫ и ФОНАРЬ

можно приобрести в каждом агентстве и отделении Совкино, которые находятся в следующих городах:

Москва. Владимир. Тула. Рязань. Тверь. Калуга. Ленинград. Новгород. Псков. Боровичи. Великие Луки. Череповец. Петрозаводск. Лодейное Поле. Луга. Орел. Воронеж.

Якутск. Хабаровск. Благовещенск. Владивосток. Чита. Курск. Симферополь. Смоленск. Брянск. Елец. Клинцы. Козлов. Тамбов. Кирсанов. Ростов-Дон. Шахты. Краснодар. Новороссийск.

Сочи. Армавир. Грозный. Владикавказ. Н.-Новгород. Муром. Арзамас. Казань. Ижевск. Пятигорск. Самара. Ульяновск. Сызрань. Оренбург. Уфа. Пенза. Рузаевка. Фрунзе. Кзыл-Орда.

Саратов. Уральск. Балашов. Астрахань. Сталинград. Вольск. Свердловск. Вятка. Великий Устюг. Ярославль. Кострома. Иваново-Вознесенск. Челябинск. Пермь. Петропавловск. Соликамск.

Новосибирск. Барнаул. Омск. Славгород. Томск. Ленинск-Кузнецк. Красноярск. Минусинск. Иркутск. В. Удинск. Семипалатинск. Бийск. Ачинск. Кинешма. Вологда. Архангельск. Рыбинск.

СПИСОК ВЫПУЩЕННЫХ ПЛЕНОЧНЫХ ДИАПОЗИТИВОВ.

1. Колхозное строительство.
2. Пути и методы поднятия урожайности.
3. Свиноводство.
4. Молочное животноводство.
5. Картофель и его болезни.
6. Коневодство.
7. Пчеловодство.
8. Потребкооперация на хлебозаготовках.
9. Враги готовятся (15 лет импер. войны).
10. Индустриализация страны Советов (пятилетний план).
11. Первая помощь в несчастных случаях (до прибытия врача).
12. Сифилис и борьба с ним.

Изд-во „ИЗВЕСТИЯ ЦИК СССР и ВЦИК" Москва, 37, Страстная площадь.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ НА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НОВЫЙ МИР

(5-й год издания)

Под редакцией: А. В. Луначарского, А. Г. Малышкина, В. П. Полонского и В. И. Соловьева.

№ 10 № 10 ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ, РАЗОСЛАНА ПОДПИСЧИКАМ И ПОСТУПИЛА В РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ ДЕСЯТАЯ (ОКТЯБРЬСКАЯ) КНИГА ЖУРНАЛА

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 2 мес.	На 1 мес.	Цена отдельн. номера
2 р. 20 к.	1 р. 10 к.	1 руб. 40 коп.